

Дрѣвняя Дрѣвоствлявшѣ

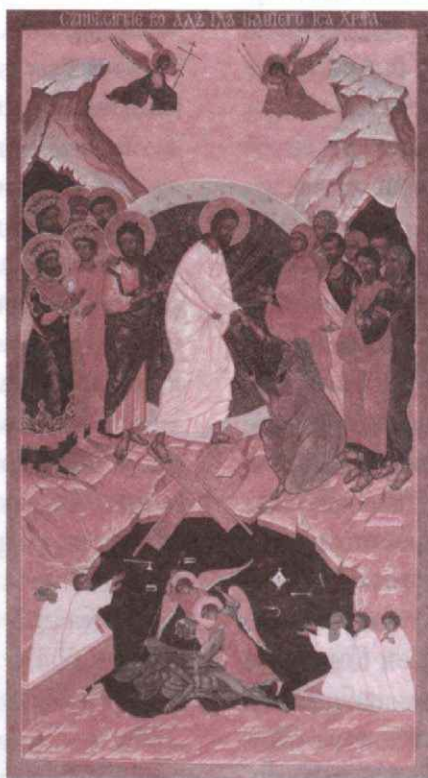
СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА:

1 Воскресение Христово. Слово святителя Григория Богослова на Святую Пасху	1
2 Летопись единоверческой жизни	11
3 Лица. Музыка вечной Руси. В. Карпец	12
4 Литературная страница. Н.В. Гоголь. Ведущий рубрики — М. Душин	19
5 Богослужения в единоверческом храме Архангела Михаила в мае 2005 года	24

Воскресение Христово

СЛОВО СВЯТИТЕЛЯ ГРИГОРИЯ БОГОСЛОВА НА СВЯТУЮ ПАСХУ

Н А стражи моеї стану, говорит чудный Аввакум (Авв. 2, 1). Стану с ним ныне и я, по данным мне от Духа власти и созерцанию; посмотрю и узнаю, что будет мне показано и что возглаговано. Я стоял и смотрел: и вот, муж восшедший на облака, муж весьма высокий, и образ его яко образ Ангела (Суд. 13, 6), и одежда его, как блистание мимолетящей молнии. Он воздел руку к востоку, воскликнул громким голосом (а глас его, как глас трубы, и вокруг его как бы множество вой небесных) и сказал: *Ныне спасение миру, миру видимому и миру невидимому! Христос из мертвых. — Восстаньте с Ним и вы; Христос во славе Своей, — восходите и вы; Христос из гроба, — освобождайтесь от уз греха; отверзаются врата ада, истребляется смерть, отлагается ветхий Адам,*

Сошествие во ад. Икона из иконостаса придела Архангела Михаила

совершается новый: аще кто во Христе, нова тварь (2 Кор. 5, 17); обновляйтесь. Так говорили он, а другие воспели то же, что и прежде, когда явился нам Христос чрез долнее рождение: *Слава в вышних Богу, и на земли мир, во человецех благоволение (Лк. 2, 14).*

С ними и я (о если бы иметь мне и голос достойный ангельской песни, и оглашающий концы мира!) вещаю вам так: Пасха! Господня Пасха! и еще скажу в честь Троицы: Пасха! Она у нас праздников праздник и торжество торжеств; столько превосходит все торжества, не только человеческие и земные, но даже Христовы и для Христа совершаемые, сколько солнце превосходит звезды. Прекрасно у нас и вчера блистало и осиявалось все светом, каким наполнили мы и частные дома, и места об-

ществленные, когда люди, всякого почти рода и всякого звания, щедрыми огнями просветили ночь, в образ великого света, света, каким небо сияет свыше, озаряя целый мир своими красотами; света премирного, который в Ангелах, первой светлой природе после Первого Естества, из Него исходит, — и Света в Троице, Которою составлен всякий свет, от неделимого Света разделяемый и украшаемый. Но прекраснее и блистательнее нынешняя светозарность: потому что вчерашний свет был предотечею великого и воскресшего Света, и как бы предпразднственным веселием; а ныне празднуем самое воскресение, не ожидаемое еще, но уже совершившееся и примиряющее собою весь мир.

Посему иные пусть принесут какие ни есть другие плоды, и всякий пусть предложит времени свой дар — дар праздничный, большой или малый, но духовный и Богу угодный, сколько у каждого достанет на то сил. Ибо дар, соразмерный достоинству, едва ли принесут и Ангелы — существа первые, духовные и чистые, зрители и свидетели горней славы, хотя они способны к совершеннейшему песнословию. А я принесу в дар слово, как лучшее и драгоценнейшее из всего, что имею, наипаче же, когда воспеваю Слово за благодетельное к разумному естеству. С сего и начну. Ибо, принося в жертву слово о великой Жертве и о величайшем из дней, не могу не востечь к Богу и не в Нем положить для себя начало. И вы, услаждающиеся подобными предметами, чтобы выйти вам отсюда насладившимися действительно неудобностояемым, поелику слово у меня о Боге и божественно, очистите и ум, и слух, и мысль. Слово же будет, самое полное и вместе самое краткое; как не огорчит недостатком, так и не наскучит и излишеством.

Бог всегда был, есть и будет, или лучше сказать, всегда есть: ибо слова: был и будет, означают деления нашего времени и свойственны естеству преходящему: а Сый — всегда. И сим именем именуется Он Сам Себя, беседуя с Моисеем на горе (Исх. 3, 14); потому что сосредоточивает в Себе Самом всецелое бытие, которое не начиналось и не прекратится. Как некое море сущности неопределенное и безконечное, простирающееся за пределы всякого представления о времени и естестве, одним умом (и то весьма неясно и недостаточно — не в рассуждении того, что есть в Нем Самом, но в рассуждении того, что окрест Его), чрез набрасыва-

ставлен, столько же осиявающий владычественное в нас, если оно очищено, сколько быстрота летящей молнии осиявает взор. И сие, кажется мне, для того, чтобы постигаемым привлекать к Себе (ибо совершенно непостижимое безнадежно и недоступно), а непостижимым приводить в удивление, чрез удивление же возбуждать большее желание и чрез желание очищать, а чрез очищение соделывать богоподобными; и когда соделаемся такими, уже беседовать как с присными (дерзнет слово изречь нечто смелое) — беседовать Богу, вступившему в единение с богами и познанному ими, может быть столько же, сколько *Он знает познанных Им* (1 Кор. 13, 12).

Итак, Божество беспредельно и неудобосозерцаемо. В нем совершенно постижимо сие одно — Его безпредельность; хотя иной и почитает принадлежностью простого естества — быть или вовсе непостижимым, или совершенно постижимым. Но исследуем, что составляет сущность простого естества; потому что простота не составляет еще его естества, точно так же, как и в сложных существах не составляет естества одна только сложность. Разум, рассматривая беспредельное в двух отношениях — в отношении к началу и в отношении к концу (ибо беспредельное простирается далее начала и конца, и не заключается между ими), когда устремит взор свой на горнюю бездну и не находит, на чем остановиться, или где положить предел своим представлениям о Боге, тогда беспредельное и неизследимое называет безначальным; а когда, устремившись в дольную бездну, испытывает подобное прежнему, тогда называет его бессмертным и нетленным; когда же сводит в единство то и другое, тогда именуется вечным; ибо вечность не есть ни время, ни часть времени, потому что она неизмерима. Но что для нас время, измеряемое течением солнца, то для вечных вечность, нечто сопряженное с вечными существами и как бы некоторое временное движение и расстояние.

Сим да ограничится ныне любомудрствование наше о Боге; потому что нет времени распространяться, и предмет моего слова составляет не Богословие, но Божие домостроительство. Когда же именую Бога; разумею Отца и Сына и Святого Духа, как не разливая Божества далее сего числа Лиц, чтобы не ввести множество богов, так не ограничивая меньшим числом, чтобы не осуждали нас в скудости Божества, когда впадем или в иудейство, защищая единоначалие, или в язычество, защищая многоначалие. В обоих случаях зло равно, хотя от противоположных причин. Таково Святое

некоторые очертаний, оттеняется Он в один какой-то облик действительности, убегающий прежде, нежели будет уловлен, и ускользящий прежде, нежели умопред-

Святых, сокрываемое и от самых Серафимов и прославляемое тремя Святителями, которые сходятся в единое Господство и Божество, о чем другой некто прекрасно и весьма высоко любомудрствовал прежде нас.

Но поелику для Благости не довольно было упражняться только в созерцании Себя самой, а надлежало, чтобы благо разливалось, шло далее и далее, чтобы число облагодетельствованных было как можно большее (ибо сие свойственно высочайшей Благости); то Бог измышляет, во-первых, Ангельские и небесные силы. И мысль стала делом, которое исполнено Словом и совершено Духом. Так произошли вторые светлости, служители первой Светлости, разуметь ли под ними разумных духов, или как бы невещественный и безплотный огонь, или другое какое естество, наиболее близкое к сказанным. Хотел бы я сказать, что они неподвижны на зло и имеют только движение к добру, как сущие окрест Бога и непосредственно озаряемые от Бога (ибо земное пользуется вторичным озарением); но признавать и называть их не неподвижными, а неудободвижными, убеждает меня Денница — по светлости, а за превозношение ставший и называемый тьмою, с подчиненными ему богоотступными силами, которые чрез свое удаление от добра стали виновниками зла, и нас в оное возлекают. Так и по таким причинам сотворен Богом умный мир, сколько могу о сем любомудрствовать, малым умом взвешивая великое.

Поелику же первые твари были благоутодны Богу; то измышляет другой мир — вещественный и видимый; и это есть стройный состав неба, земли и того, что между ними, удивительный по прекрасным качествам каждой вещи, и еще более достойный удивления по стройности и согласию целого, в котором и одно к другому и все ко всему состоит в прекрасном соотношении, служа к полноте единого мира. А сим Бог показал, что Он силен сотворить не только сродное, но и совершенно чуждое Себе естество. Сродны же Божеству природы умные и одним умом постигаемые, совершенно же чужды твари подлежащие чувствам, а и из сих последних еще далее отстоят от Божественного естества твари вовсе неодушевленные и недвижимые.

Итак, ум и чувство, столь различные между собою, стали в своих пределах, и изразили собою величие Звидительного Слова, как безмолвные хвалители и яснолаговивые проповедники великолетия. Но еще не

было смешения из ума и чувства, сочетания противоположных — сего опыта высшей Премудрости, сей щедрости в образовании естеств; и не все богатство Благости

было еще обнаружено. Восхотев и сие показать, художническое Слово созидает живое существо, в котором приведены в единство то и другое, то есть невидимое и видимая природа, созидает, говорю, человека; и из сотворенного уже вещества взяв тело, а от Себя вложив жизнь (что в слове Божиим известно под именем души и образа Божия), творит как бы некоторый второй мир, в малом великий; поставляет на земле иного ангела, из разных природ составленного поклонника, зрителя видимой твари, таинника твари умосозерцаемой, царя над тем, что на земле, подчиненного горнему царству, земного и небесного, временного и бессмертного, видимого и умосозерцаемого, ангела, который занимает средину между величием и низостью, один и тот же есть дух и плоть, — дух ради благодати, плоть ради превозношения, дух, чтобы пребывать и прославлять Благодетеля, плоть, чтобы страдать, и, страдая, припоминать и поучаться, сколько ущедрен он величием; творит живое существо, здесь предуготовляемое и преселяемое в иной мир, и (что составляет конец тайны) чрез стремление к Богу достигающее обожения. Ибо умеряемый здесь свет истины служит для меня к тому, чтобы видеть и сносить светлость Божию, достойную Того, Кто связует и разрешает, и опять совокупит превосходнейшим образом.

Сего человека, почтив свободою, чтобы добро принадлежало не меньше избирающему, чем и вложившему семена оного, Бог поставил в раю (что бы ни значил сей рай) делателем бессмертных растений — может быть Божественных помыслов как простых, так и более совершенных, поставил нагим по простоте и безыскусственной жизни, без всякого покрова и ограждения, ибо таковым надлежало быть первозданному. Дает и закон для упражнения свободы. Законом же была заповедь: какими растениями ему пользоваться, и какого растения не касаться. А последним было древо познания, и посаженное в начале не злонамеренно, и запрещенное не по зависти (да не отверзают при сем уст богоборцы, и да не подражают змию!); напротив того, оно было хорошо для употребляющих благовременно (потому что древо сие, по моему умозрению, было созерцание, к которому безопасно приступать могут только опытно усовершенствовавшиеся), но не хорошо для простых еще и для неумеренных в своем желании, подобно как и совершенная пища не полезна для слабых и требующих молока.

Когда же, по зависти дьявола и по обольщению жены, которому она сама подверглась как слабейшая, и которое

произвела как искусная в убеждении (о немощь моя! ибо немощь прародителя есть и моя собственная), человек забыл данную ему заповедь и побежден горьким вкушением; тогда чрез грех делается он изгнанником, удаляемым в одно время и от древа жизни, и из рая, и от Бога, облачается в кожаные ризы (может быть в грубейшую, смертную и противоборствующую плоть), в первый раз познает собственный стыд и укрывается от Бога. Впрочем, и здесь приобретает нечто, именно смерть — в пресечение греха, чтобы зло не стало бессмертным. Таким образом самое наказание делается человеколюбием. Ибо так, в чем я уверен, наказывает Бог.

Но в преграждение многих грехов, какие произрастал корень повреждения от разных причин и в разные времена, человек и прежде вразумляем был много-различно: словом, Законом, пророками, благодеяниями, угрозами, карами, наводнениями, пожарами, войнами, победами, поражениями, знаменами небесными, знаменами в воздухе, на земле, на море, неожиданными переворотами в судьбе людей, городов, народов (все сие имело целью загладить повреждение); наконец, стало нужно сильнейшее врачевство по причине сильнейших недугов: человекоубийств, прелюбодеяний, клятвопреступлений, муженствовств и сего последнего и первого из всех зол — идолослужения и поклонения твари вместо Творца. Поелику все сие требовало сильнейшего пособия; то и подается сильнейшее. И оно было следующее.

Само Божие Слово, превечное, невидимое, непостижимое, безтелесное, Начало от Начала, Свет от Света, Источник жизни и бессмертия, Отпечаток Первообраза, Печать непереносимая, Образ неизменяемый, определение и слово Отца, приходит к Своему образу, носит плоть ради плоти, соединяется с разумною душою ради моей души, очищая подобное подобным, делается человеком по всему, кроме греха. Хотя чревоносит Дева, в которой душа и тело предочищены Духом (ибо надлежало и рождение почтить, и девство предпочесть); однако же Происшедший есть Бог и с воспринятым от Него, единое из двух противоположных — плоти и Духа, из которых Один обожил, другая обожена.

О новое смешение! О чудное растворение! Сый начинает бытие; Несозданный созидается; Необъемлемый объемляется чрез разумную душу, посредствующую между Божеством и грубою плотью; Богатый обнищает — обнищает до плоти моей, чтобы мне обогатиться Его Божеством; Исполняемый истощается — исто-

щается не надолго в славе Своей, чтобы мне быть участником полноты Его. Какое богатство благодати! Что это за таинство о мне? Я получил образ Божий и не сохранил его; Он воспринимает мою плоть, чтобы и образ спасти, и плоть обезсмертить. Он вступает во второе с вами общение, которое гораздо чуднее первого, поелику тогда даровал нам лучшее, а теперь воспринимает худшее; но сие богаче первого, сие выше для имеющих ум.

«Но что нам до сего?» — скажет, может быть, какой-нибудь чрез меру ревностный любитель праздников. «Гони коня к цели, — премудрствуй о том, что относится к празднику, и для чего собрались мы ныне». Так и сделаю, хотя начал несколько отдаленно, к чему принужден усердием и словом.

Для любителей учености и изящества не худо, может быть, кратко разобрать наименование самой Пасхи; ибо такое отступление будет не недостойно слышания. Великая и достоитимая Пасха называется у Евреев пасхою (фаскою) на их языке (где слово сие значит: *прехождение*) — исторически, по причине бегства и переселения из Египта в Хананею, а духовно, по причине прехождения и восхождения от дольного к горнему и в землю обетования. Но на многих местах Писания находим встречающимся, что некоторые названия из неясных изменены в яснейшие, или из грубых в благоприличнейшие; то же усматриваем и здесь. Ибо некоторые, приняв слово сие за наименование спасительного страдания, потом приспособив к эллинскому языку, по перемене Ф на П, и К на Х, наименовали день сей Пасхою (от греческого слова *стражду*). А привычка к измененному слову сделала его употребительнейшим; потому что оно нравилось слуху народа, как речение более благочестное.

Божественный Апостол прежде нас еще сказал, что весь Закон есть *сень грядущих* (Кол. 2, 17) и умопредставляемого. И Бог, глаголавший с Моисеем, когда давал о сем законы, говорит: *виждь, да сотвориши вся по образу показанному тебе на горе* (Исх. 25, 40), давая сим разуметь, что видимое есть некоторый оттенок и предначертание невидимого. И я уверен, что ничего не установлено было напрасно, без основания, с целию низкою и недостойною Божия законодательства и Моисеева служения, хотя и трудно для каждой тени изобрести особое умозрение, объясняющее все подробности узаконенного касательно самой скинии, мер, вещества, левитов носивших ее и служивших при ней, и касательно жертв, очищений и приношений. Сие удобосозер-

цаемо только для тех, которые подобны Моисею добродетельно, и наиболее приближаются к нему ученостно. Ибо и на самой горе является Бог человекам, частью Сам нисходя с Своей высоты, а частью нас возводя от дольней низости, чтобы Недостижимый был постигнут смертною природою, хотя в малой мере и сколько для ней безопасно. Да и невозможно, чтобы дебелисть перстного тела и ума-узника постигла Бога иначе, как при Божием пособии. Посему и тогда не все, как известно, удостоены одинакого чина и места; но одни удостоены того, а другой — другого, каждый же, как думаю, по мере своего очищения. А иные и совершенно были удалены, и получили дозволение слышать один глас свыше; это те, которые нравами уподобились зверям и недостойны были Божественных таинств. Впрочем мы, избрав средину между теми, которые совершенно грубы умом, и теми, которые слишком предаются умозрениям и парениям ума, чтобы не остаться вовсе недейственными и неподвижными, а также и не стать пытливыми сверх меры, не уклониться и не удалиться от предположенного предмета (одно было бы нечто иудейское и низкое, другое же походило бы на толкование снов; а то и другое равно предосудительно), будем беседовать о сем по мере возможности, не вдаваясь в крайние чепухи, достойные осмеяния.

Рассуждаю же так. Поелику нас, которые в начале пали чрез грех и сластолюбие вовлечены даже в идолопоклонничество и незаконное кровопролитие, надлежало опять возвести и привести в первобытное состояние, по великому милосердию Бога, Отца нашего, не потерпевшего, чтобы оставалось поврежденным такое произведение руки Его — человек: то каким образом воссоздается он? и что при сем происходит? Не одобрено сильное врачество, как неверное и способное произвести новые раны, по причине затвердевшей от времени опухоли; усмотрен же для исправления кроткий и человеколюбивый способ врачевания; потому что и кривая ветвь не выносит внезапного перегиба и усилия спрямляющей руки, и скорее может переломиться, нежели выпрямиться. Горячий и старый конь не терпит мучительной узды без какой-нибудь лести и ласки. Посему дается нам в помощь Закон, как бы стена, поставленная между Богом и идолами, чтоб отводить от идолов и приводить нас к Богу. И в начале позволяет он иное маловажное, чтобы приобрести важнейшее. Дозволяет пока жертвы, чтобы восстановить в нас ведение о Боге. Потом, когда наступило время, отменяет и жертвы, постепенными лишениями премудро изменяя

нас, и навывших уже к благопокорности приводя к Евангелию. Так и на сей конец взошел писанный Закон, собирающий нас ко Христу; и такова, по моему рассуждению, причина жертв!

Но чтобы познал ты глубину мудрости и богатство неизследимых судов Божиих, самые жертвы не оставил Бог вовсе неосвященными, несовершенными и ограничивающимися одним пролитием крови; но к подзаконным жертвам присоединяется великая и относительно к первому Естеству, так сказать, незакалаемая Жертва — очищение не малой части вселенной, и не на малое время, но целого мира и вечное. Для сего берется овца (Исх. 12, 5) по незлобию и как одеяние древней наготы; ибо такова Жертва, за нас принесенная, которая есть и именуется одеждою нетления. Совершенно, не только по Божеству, в сравнении с Которым ничего нет совершеннее, но и по воспринятому естеству, которое помазано Божеством, стало тем же с Помазавшим и, осмелюсь сказать, купно Богом. Мужеск пол, потому что приносится за Адама, лучше же сказать, потому что крепче крепкого, первого падшего под грех, особенно же потому, что не имеет в Себе ничего женского, несвойственного мужу, а напротив того, по великой власти, силою расторгает девственные и матерние узды, и рождается от пророчицы мужеск пол, как благовествует Исаия (Ис. 8, 3). Единолетно, как солнце правды (Мал. 4, 2), или оттоле выходящее, или описываемое видимым и к Себе возвращающееся, и как благословенный венец благодати (Ис. 61, 12), повсюду Сам Себе равный и подобный, а сверх сего и как то, чем оживотворяется круг добродетелей, не приметно между собою сливающихся и растворяющихся по закону взаимности и порядка. Непорочно и нескверно, потому что врачует от позора и от недостатков и скверн, произведенных повреждением; ибо хотя воспринял на Себя ваши грехи и понес болезни, но Сам не подвергся ничему, требующему уврачевания. Испушен был по всяческим по подобию нашему, но разве греха (Евр. 4, 15) потому что гонитель Света, Который во тме светится, Его не объят (Ин. 1, 5). Что еще? Упоминается первый месяц или, лучше сказать, начало месяцей (Исх. 12, 2), или потому что он был таким у Евреев издавна, или потому что сделался таким впоследствии, с сего именно времени, и от таинства принял наименование первого. В десятый месяца — это самое полное из чисел, первая из единиц совершенная единица, и родительница совершенства. Соблюдается до пятого дня; может быть потому, что жертва моя есть очисти-

тельная для чувств, от которых мое падение и в которых брань, так как они приемлют в себе жало греха. Избирается же не от агнец только, но и из худшей природы, из стоящих по левую руку, от козлищ; потому что закаляется не за праведных только, но и за грешных, и за последних, может быть, тем паче, что имеем нужду в большем человеколюбии. Ни мало же не удивительно, что особенно требуется овца по каждому дому, а если нет, то по бедности чрез складчину по дому отечеств. Ибо всего лучше, чтобы каждый сам собою достаточен был к приобретению совершенства, и зовущему Богу приносил жертву живую, святую, всегда и во всем освящаемую. Если же нет; то должен употребить к сему содействующими сродных ему по добродетели и подобноправных. Сие, как думаю, значит, в случае нужды, приобщать к жертве соседей. Потом священная ночь, противоборница этой ночи — настоящей слитной жизни, ночь, в которую истребляется первородная тьма, все приходит во свет, в порядок и в свой вид, прежнее безобразие приемлет благообразность. Потом бежим от Египта, мрачного гонителя — греха, бежим от Фараона, невидимого мучителя и от немилосердных приставников, переселяясь в горный мир; освобождаемся от брения и плинфodelания, от состава сей тленной и поползновенной плоти, всего чаще ничем не управляемой кроме бранных помыслов. Потом закаляется агнец, и честною кровию печатлеются дела и ум, или сила и деятельность — сии подвой наших дверей, разумею движения мысли и мнения, прекрасно отверзаемые и заключаемые умозрением; потому что и для понятий есть некоторая мера. Потом последняя и тяжчайшая казнь гонителям, подлинно достойная ночи: Египет плачет над первенцами собственных помыслов и дел (что называется в Писании *племенем халдейским отъятым* (Ис. 48, 14) и *вавилонскими младенцами, разбиваемыми и сокрушаемыми о камень* (Пс. 136, 9).

Везде у Египтян рыдание и воиль; а от нас отступит тогда их губитель, чья помазание и страхась его. Потом отъятие кваса в продолжение семи дней (число самое таинственное и состоящее в близком отношении к сему миру), отъятие давнего и застаревшего повреждения (а не хлебной и жизненной закваски), чтобы не иметь при себе в пути египетского теста и остатков фарисейского и безбожного учения. Египтяне будут плакать; а нами да снесет агнец к вечеру; потому что при конце веков страдание Христова. И Христос, разрушая греховную тьму, вечером приобщает учеников таинству. Не

вареный, но печеный (2, 9), чтобы у нас в слове не было ничего необдуманного и водянистого и удобно распускающегося, но чтобы оно было твердо и плотно, искушено огнем очистительным, свободно от всего грубого и излишнего, чтобы добрыми углями, воспламеняющими и очищающими нашу мысленную способность, помог нам *Пришедший огня воврещи на землю* (Лк. 12, 49), которым потребляются худые навыки, и *Поспешающий* возгечь его. А что в слове плотного и питательного, пусть будет съедено и потреблено с внутренностями и сокровенностями ума, и подвергнуто духовному переварению — все от головы и до ног, то есть до первых умозрений о Божестве и до последних рассуждений о воплощении. Но ничего не вынесем, ничего не оставим до утрия; потому что многие из наших таинств не должны быть разглашаемы посторонним, потому что по прошествии сей ночи нет очищения, потому что не похвально до другого времени откладывать тем, которые приняли слово. Как хорошо и Богоугодно, чтобы гнев не продолжался целый день, но прекращался до захождения солнца (разуметь ли сие о действительном времени, или таинственно; ибо не безопасно для нас гневающихся видеть зашедшим Солнце правды); так сего брашна не должно оставлять на всю ночь и отлагать к следующему дню. А кости и несъедное, то есть для нас неудоборазумеваемое, да не сокрушатся, чрез худое разделение и разумение (повременно говорить о том, что кости Иисуса не сокрушены и в историческом смысле, хотя распинатели и желали ускорить смерть по причине субботы), и да не будут извержены и расхищены, чтобы святая не дать псам — злым терзателям слова, и не повергнуть свиньям того, что в слове светло как бисер, но да сожжется сие огнем, которым пополяются и всеожжения все испытующим и ведущим Духом истончаваемые и соблюдаемые, а не гибнущие и не рассеваемые по водам, как поступил Моисей с слитою Израильянами главою тельца, в укоризну их жестокосердия.

Не должно оставить без внимания и образ вкушения, потому что Закон не умолчал и сего, но и об этом сокрыл умозрение в букве. Потребим жертву со тщанием, съедая опресноки с горьким зелием, *препоясав чресла, и надев сапоги, и подобно старцам опершись на жезлы*. Со тщанием, чтобы не сделать того, что заповедь запрещает Лоту, не будем озираться, *ниже постоем во сем пределе, в горе спасемся, да не купно яты будем содомским и необычайным огнем* (Быт. 19, 17), и да не отвердеем в соляной столп от возвращения к худшему, что производится медленным.

С горьким зельем; потому что жизнь по Богу горька и трудна, особенно для начинающих, и она презирает удовольствия. Ибо хотя новое *иго благо, и бремя легко*, как слышишь (Мф. II, 30), но оно таково по причине надежды и воздаяния, которое несравненно щедрее, нежели чего заслуживало бы здешнее злострадание. А без сего кто не сознается, что Евангелие гораздо труднее и тягостнее законных постановлений? Закон возбраняет совершение грехов, а нам обращаются в вину и причины, почти как действия. Закон говорит: *не прелюбы сотвориши* (Мф. 5, 27). А ты не имей и вожделения, не возжигай страсти любопытным и внимательным воззрением. В Законе сказано: *не убиеши*. А ты не только не мсти за удар, но даже отдай себя в волю биящему. Столько последнее добродетельнее первого! Закон говорит: *не во лжу кленешися*. А ты вовсе не кленись, ни мало, ни много; потому что клятва рождает клятвopреступление. Закон говорит: *не совокупляй дом к дому, и село к селу* (Ис. 5, 8), *убога насильствуя* (Иез. 22, 29). А ты отдай с готовностью и приобретенное правдою, обнажи себя для нищих, чтобы с легкостью взять тебе крест и обогатиться невидимым. Чресла несвязанные и неопоясанные пусть будут у безсловесных; потому что они не имеют разума, господствующего над сластолюбием (не говорю пока, что и они знают предел естественного движения). А ты поясом и целомудрием укроти в себе похотливость и это ржание, как говорит Божественное Писание (Иер. 5, 8), порицая гнусность страсти, чтобы тебе чистому вкусить Пасху, умертвив *уды яже на земли* (Кол. 3, 5), и подражая поясу Иоанна, пустытника, Предотечи и великого проповедника истины. Знаю и другой пояс, именно воинский и означающий мужество, по которому некоторые называются *добротоясниками* (Нав. 4, 13) и *единопоясниками Сирскими* (4 Цар. 24, 2). О нем и Бог говорит, беседуя с Иовом: *ни, но препояши яко муж чресла твоя* (Иов. 40, 2), и дай мужественный ответ. И Божественный Давид хвалится, что Бог *препоясует его силою* (Пс. 17, 33), и самого Бога представляет *он облекшимся в силу и препоясавшимся* (Пс. 92, 1), очевидно против нечестивых, если кому не угодно разуметь под сим преизобилие и вместе как бы ограничение силы, в каком смысле Бог и *светом одева-ется яко ризою* (Пс. 103, 2). Ибо кто устоит пред неограниченным Его могуществом и светом? Спрашиваю: что общего между чреслами и истиною? Что понимает святой Павел, говоря: *станите убо препоясани чресла ваша истинною* (Еф. 6, 14)? Не то ли, что созерцатель-

ность обуздывает в нас вожделевательную силу, и не позволяет ей стремиться нкуда? Ибо любовь к чему бы то ни было одному не позволяет с такою же силою стремиться к другим удовольствиям.

Кто намеревается вступить в землю святую и посящую на себе следы Божии: *тот да изуе сапоги, как и Моисей на горе* (Исх. 3, 5), чтобы не внести чего-либо мертвого и составляющего среду между Богом и человеками. Также если какой ученик посылается на благовествование, ему, как добродетельному и чуждому всякого излишества, должно не только не иметь при себе меди, жезла и более одной ризы, но и быть не обувиленным, чтобы видимы были *красны ноги благовествующих мир* (Ис. 52, 7) и все прочие блага. Но кто бежит от Египта и от всего египетского, тот должен быть в сапогах, для безопасности как от чего другого, так от скорпионов и змиев, которых Египет производит во множестве, чтобы не потерпеть вреда от *блудущих пята, на которых повелено нам наступать* (Лк. 10, 19). О жезле же и сокровенном знаменовании одного думаю так. Мне известен жезл, употребляемый для опоры, а также жезл пастырский и учительский, которым обращают на путь словесных овец. Но теперь повелевает закон взять тебе жезл для опоры, чтобы ты не преткнулся мыслию, когда слышишь о крови, страдании и смерти Бога, и, думая стать защитником Божиим, не впал в безбожие. Напротив того, смело и не сомневаясь ешь Тело и пей Кровь, если желаешь жизни. Без неверия внимаи учению о Плоти и, не соблазняясь, слушай учение о страдании, стой, опершись твердо, незыблемо, ни мало не колеблясь пред противниками, ни мало не увлекаясь учениями вероятности, поставь себя на высоту, поставь ноги *во дворех Иеросалима* (Пс. 121, 2), *утверди на камне, да не подвижутся стопы твои* (Пс. 16, 5), *шествующие по Богу*. Что скажешь? Так угодно было Богу, чтобы ты вышел из Египта, *от печи железны* (Втор. 4, 20), оставил тамошнее многобожие, и веден был Моисеем — законодателем и военачальником.

Предложу тебе совет и неприличный мне, лучше же сказать, совершенно приличный, если будешь смотреть духовно. Возьми у Египтян в заем золотые и серебряные сосуды и иди с ними; запасись на путь чужим, лучше же сказать, своим собственным. Тебе должно получить плату за рабство и плинфodelание; ухитрись как-нибудь вытребовать ее, возьми у них обманом. Да! Ты здесь бедствовал, боролся с брением — сим обременительным и нечистым телом, строи чужие и непроч-

ные города, которых *память погибает с шумом* (Пс. 9, 7). Что же? Ужели выйти тебе ни с чем, без вознаграждения? Ужели оставишь Египтянам и сопротивным силам, что они худо приобрели, и еще хуже расточают? Это не их собственность; они насильно себе присвоили, похитили у Того, Кто сказал: *Мое серебро и Мое золото* (Агг. 2, 9); Я дам его, кому хочу. Вчера принадлежало им — так было попущено; а ныне Владыка приносит и дает тебе, который употребишь хорошо и спасительно. *Приобретем сами себе други от мамоны неправды, да егда оскудеем — во время суда, возьмем свое назад* (Лк. 16, 9). Если ты Рахиль или Лия, душа патриаршеская и великая; укради идолов, каких найдешь у отца своего, не для того, чтобы их сберечь, но чтобы уничтожить. Если ты мудрый Израильтянин; перенеси их в землю обетования. Пусть гонитель скорбит и о сем, и перехитренный узнает, что он напрасно мучительствовал и поработал лучших себя.

Если так поступишь, так выйдешь из Египта: несомненно знаю, что столп огненный и облачный будет указывать тебе путь и днем, и ночью, пустыня делается не дикою, море разделится, Фараон погрозится, одождится хлеб, камень источит воду, Амалик будет низложен, не оружием только, но и бранноносными руками праведников, изображающими вместе и молитву и непобедимое знамение Креста, река остановится в течении, солнце станет, луна замедлит в пути, стены падут и без стенобитных орудий, предшествовать будут шершни (Втор. 7, 20), пролагая путь Израилю и отражая иноплеменников, и, не продолжая слова, скажу: все то, что повествуется за сим и вместе с сим, дано тебе будет от Бога.

Таков праздник, который празднуешь ты ныне! Таково пиришество, которое предлагается тебе в день рождения ради тебя Родившегося, и в день погребения ради тебя Пострадавшего! Таково для тебя таинство Пасхи! Сие предначислил Закон, сие совершил Христос — Разоритель буквы, Совершитель духа, Который, Своими страданиями уча страдать, Своим прославлением дарует возможность с Ним прославиться.

Остается исследовать вопрос и догмат, оставляемый без внимания многими, но для меня весьма требующий исследования. Кому и для чего пролита сия излиянная за нас кровь — кровь великая и преславная Бога и Архиерея и Жертвы? Мы были во власти лука-

вого, проданные под грех и сластолюбием купившие себе повреждение. А если цена искупления дается не иному кому, как содержащему во власти; спрашиваю: кому и

по какой причине принесена такая цена? Если лукавому, то как сие оскорбительно! Разбойник получает цену искупления, получает не только от Бога, но самого Бога, за свое мучительство берет такую безмерную плату, что за нее справедливо было пощадить и нас! А если Отцу, то, во-первых, каким образом? Не у Него мы были в плену. А во-вторых, по какой причине кровь Единородного приятна Отцу, Который не принял и Исаака, приносимого отцем, но заменил жертвоприношение, вместо словесной жертвы дав овна? Или из сего видно, что приемлет Отец, не потому что требовал или имел нужду, но по домостроительству и потому, что человеку нужно было освятиться человечеством Бога, чтобы Он Сам избавил нас, преодолев мучителя силою, и возвел нас к Себе чрез Сына посредствующего и все устрояющего в честь Отца, Которому оказывается Он во всем покорствующим? Таковы дела Христовы, а большее да почтено будет молчанием.

Медный же змий хотя и повешен против угрызающих змиев, однако же не как образ Пострадавшего за нас, но как изображающий противное, и взирающих на него спасает не чрез уверенность, что он жив, но потому, что низложенный (чего и достоин был) сам умерщвлен и умерщвляет с собою подчинившиеся ему силы. И какое приличное ему от нас надгробие? *Где ты, смерть, жало? где ты, аде, победа* (1 Кор. 15, 55)? Ты низложен Крестом, умерщвлен животодавцем, бездыханен, мертв, недвижим, бездействен, и хотя сохраняешь образ змия, но предан позору на высоте!

Но причастимся Пасхи, ныне пока прообразовательно, хотя и откровеннее, нежели в Ветхом Завете. Ибо подзаконная Пасха (осмеливаюсь сказать, и говорить) была еще более неясным прообразованием прообразования. А впоследствии и скоро причастимся совершеннее и чище, когда Слово будет пить с нами *сие ново в царствии Отца* (Мф. 26, 29), открывая и преподавая, что ныне явлено Им в некоторой мере; ибо познаваемо ныне всегда ново. В чем же состоит это питье и это вкушение? — Для нас в том, чтобы учиться, а для Него, чтобы учить и сообщать ученикам Своим слово; ибо учение есть пища и для питающего.

Но приступите, и мы приобщимся закона, по Евангелию, а не по писмени, совершенно, а не несовершенно, вечно, а не временно. Сделаем для себя главою не дольний Иерусалим, но горнюю митрополию — город, не воинствами ныне попираемый, но прославляемый Ангелами. Не будем приносить в жертву *тельцов юных и агнцев роги износящих и пазнокти* (Пс. 68, 32), в

которых много мертвенного и безчувственного. Но *пожрем Богу жертву хвалы* (Пс. 49, 14) на горнем жертвеннике с горними ликами. Пройдем первую завесу, приступим во второй завесе, приникнем во Святаа Святых. Скажу еще более: принесем в жертву Богу самих себя, лучше же будем ежедневно приносить и всякое движение. Все примем ради Слова, в страданиях будем подражать Страданию, кровию почтим Кровь, охотно взойдем на крест. Вожделенны гвозди, хотя и очень болезненны. Ибо страдать со Христом и за Христа и вожделеннее, нежели наслаждаться с другими.

Если ты Симон Киринейский; то возьми крест и последуй. Если ты распят со Христом, как разбойник; то, как благопризнавательный, познай Бога. Если Он и *со беззаконными вменися* (Мк. 15, 28) за тебя и за твой грех, то будь ты ради Его исполнителем закона. И распинаемый поклонись Распятому за тебя, извлеки пользу даже из порочной своей жизни, купи смертию спасение, войди со Иисусом в рай, чтобы узнать, откуда ты ниспал, созерцай тамошние красоты, а ропотника оставь с его хулами умереть вне. Если ты Иосиф Аримафейский, проси тела у распинающего; очищение мира пусть будет твоим очищением. Если ты Никодим — нощный Богочтец; положи Его во гроб с благовонными мастьями. Если ты одна или другая из Марий или Саломия, или Иоанна; плачь рано, старайся первая увидеть отгятый камень, а может быть и Ангелов, и самого Иисуса; скажи что-нибудь, слушай гласа; и если услышишь: *не прикасайся Мне* (Ин. 20, 17), стань вдали, почти Слово, но не оскорбляйся. Он знает, кому явиться прежде других. Обнови воскресение; Еве, которая пала первая, помоги первой приветствовать Христа и возвестить ученикам. Будь Петром и Иоанном, спеши ко гробу, теки то скорее, то вкупе, (Ин. 20, 4), соревнуй добрым соревнованием. Если превзошли тебя скоростию; то препобеди тщанием, не приникнув только во гроб, но взойдя внутрь. Если как Фома не будешь вместе с собранными учениками, которым является Христос; не будь неверен после того, как увидишь. А если не веришь; поверь сказывающим. Если же и им не веришь; уверься язвами гвоздинными. Если снисходит во ад; нисходи с Ним и ты, познай и тамошние Христовы тайны: какое домостроительство и какая причина двоякого снисхождения? всех ли без изытия спасает явившись там, или одних верующих? Если восходит на небо, восходи с

Ним и ты, будь в числе сопровождающих или сретающих Его Ангелов, *вели взяться вратам* (Пс. 23, 7), сделаться выше, чтобы приять Возвысившегося страданием, недо-

умевающим по причине тела и знаков страданий, без которых снисшел, и с которым восходит и потому вопрошающим: *кто есть сей Царь славы?* — ответствуй: *Господь крепок и силен* — силен как во всем, что всегда творил и творит, так и в нынешней брани и победе за человечество; и на двукратный вопрос дай двукратный ответ. Если будут дивиться, говоря, как в лицедейственном представлении у Исани: *кто сей пришедый от Едома и от земных?* и *отчего у Безкровного и Безтелесного червлены ризы, как у виноделателя, истоптавшего полное точило* (Ис. 63, 1-3)? — Ты укажи на лепоту одежды пострадавшего тела, украшенного страданием и просветленного Божеством, которое всего любезнее и прекраснее.

Что скажут нам на сие клеветники, злые ценители Божества, порицали достохвального, обгьятые тьмою при самом Свете, невежды при самой Мудрости, те, за которых Христос напрасно умер, неблагодарные твари, создания лукавого? Это ставишь ты в вину Богу — Его благодеяние? Потому Он мал, что для тебя смирил Себя? что к заблудшему пришел Пастырь добрый, полагающий душу за овцы (Ин. 10, 11); пришел на те горы и холмы, на которых приносили ты жертвы, и обрел заблудшего, и обретенного восприял на те же рамена, на которых понес крестное древо, и восприятого опять привел к горней жизни, и приведенного соприсчислил к пребывающим в чине своем? что возжег светильник — плоть Свою, и помел храмину — очищая мир от греха, и сыскал драхму — царский образ, заваленный страстями; по обретении же драхмы, созывает пребывающие в любви Его силы, делает участниками радости тех, которых сделал таинниками Своего домостроительства (Лк. 15, 8-9)? что лучезарнейший Свет следует за предтекшим светильником, Слово за гласом, Жених — за невестоводителем, приготавливающим Господу люди избранны (Тит. 2, 14) и предпочищающим водою для Духа? Сие ставишь в вину Богу? За то считаешь Его низким, *что препоясается лентием, и умывает ноги учеников* (Ин. 13, 4-5), и указывает совершеннейший путь к возвышению — смирение? что смиряется ради души, преклонившейся до земли, чтобы возвысить с Собою склоняемое долу грехом? Как не поставишь в вину того, что Он ест с мытарями и у мытарей, что учениками имеет мытарей да и Сам приобретет нечто? Что же приобретет? — Спасение грешников. Разве и врача обвинит иной за то, что наклоняется к ранам и терпит зловоние, только бы подать здравие болящим? Обвинит и того,

кто из сострадания склонился к яме, чтобы, по закону (Исх. 23, 5; Лк. 14, 5), спасти упавший в нее скот?

Правда, что Он был послан, но как человек (потому что в Нем два естества; так, Он утомлялся, и алкал, и жаждал, и был в борении, и плакал — по закону телесной природы); а если послан и как Бог, что из сего? Под посольством разумеи благоволение Отца, к Которому Он относит дела Свои, чтобы почтить безлетное начало и не показаться противником Богу. О Нем говорится, что предан (Рим. 4, 25); но написано также, что Сам Себя предал (Еф. 5, 2, 25). Говорится, что Он воскресен Отцем и вознесен (Деян. 3, 15; 1, 11); но написано также, что Он Сам себя воскресил и восшел опять на небо (1 Сол. 4, 14; Еф. 4, 10) — первое по благоволению, второе по власти. Но ты выставляешь на вид уничтожительное, а проходишь молчанием возвышающее. Рассуждаешь, что Он страдал, а не присовокупляешь, что страдал добровольно. Сколько и ныне страдает Слово! Одни чтут его как Бога, и сливают; другие безчестят Его как плоть, и отделяют. На которых же более прогневается Он или, лучше сказать, которым отпустит грех? Тем ли, которые сливают, или тем, которые рассекают злочестиво? Ибо первым надлежало разделить, а последним соединить, — первым относительно к числу, а последним относительно к Божеству. Ты соблазняешься плотию? И иудеи также соблазнялись. Не назовешь ли Его и Самарянином? О том, что далее, умолчу. Ты не веруешь в Его Божество? Но в Него и бесы веровали, о ты, который невернее бесов и несознательнее иудеев? Одни наименование Сына признавали означаящим равночестие, а другие узнавали в изгоняющем Бога; ибо в сем убеждало претерпеваемое от Него. А ты ни равенства не принимаешь, ни Божества не исповедуешь в Нем. Лучше было бы обрезать и стать бесноватым (скажу нечто смешное), нежели в необрезании и в здравом состоянии иметь лукавые и безбожные мысли.

Но брань с ними или прекратим, если пожелают, хотя и поздно, уцеломудриться, или отложим до времени, если не захотят сего, но останутся такими же, каковы теперь. Ни мало и ничего не убоимся, подвизаясь за Троицу и с Троицею. Теперь же нужно нам представить кратко содержание слова. Мы получили бытие, чтобы благоденствовать; и благоденствовали после того, как получили бытие. Нам вверен был рай, чтоб насладиться; нам дана была запо-

ведь, чтобы, сохранив ее, заслужить славу, — дана не потому, что Бог не знал будущего, но потому, что Он постановил закон свободы. Мы обольщены, потому что возбудили зависть; пали, потому что преступили закон; постились, потому что не соблюли поста, будучи препобеждены древом познания; ибо древняя и современная нам была сия заповедь, служившая как бы пестуном для души и обузданием в наслаждении; и мы ей справедливо подчинены, чтобы соблюдением ее возратить себе то, что потеряли несоблюдением. Мы возымали нужду в Боге воплотившемся и умерщвленном, чтобы нам ожить. С Ним умерли мы, чтобы очиститься; с Ним воскресли, потому что с Ним умерли; с Ним прославились, потому что с Ним воскресли. Много было в то время чудес: Бог распинаемый, солнце омрачающееся, и снова возгорающееся (ибо надлежало, чтобы и твари сострадали Творцу), завеса раздравшаяся, кровь и вода изливавшиеся из ребра (одна, потому что Он был человек, другая, потому что Он был выше человека), земля колеблющаяся, камни расторгающиеся ради Камня, мертвецы восставшие в уверение, что будет последнее и общее воскресение, чудеса при погребении, которые воспоеет ли кто достойно? Но ни одно из них не уподобляется чуду моего спасения. Немногие капли крови воссозидают целый мир, и для всех людей делаются тем же, чем бывает закваска для молока, собирая и связуя нас воедино. Но великая и священная Пасха, и очищение всего мира! — буду беседовать с тобою, как с чем-то одушевленным. Слово Божие, и свет, и жизнь, и мудрость, и сила! — все твои наименования меня радуют. Порождение,хождение и отпечатление великого Ума? Умопредставляемое Слово, и Человек умосозерцаемый, Который носишь всяческая глаголом силы Своея (Евр. 1, 3). Прими теперь слово сие, не начаток, но, может быть, последнее мое плодоприношение; слово вместе благодарственное и молитвенное, чтобы мне не терпеть других скорбей, кроме необходимых и священных, в которых протекла жизнь моя. Останови или мучительную власть надо мною тела (ибо видишь, Господи, как она велика и обременительна), или приговор Твой, если от Тебя низлагаемся. Если же разрешусь, каким желаю, и буду принят в небесные кровы; то, может быть, и там возложу угодное на святой жертвенник Твой, Отче, и Слово, и Душе Святыи. Ибо тебе подобает всякая слава, честь и держава во веки, аминь.

Летопись единоверческой жизни

НАКАНУНЕ праздника Благовещения Пресвятыя Богородицы вышел в свет диск с записями хора единоверческого храма Архангела Михаила под названием «Слава в вышних Богу». В записи принимали участие члены причта храма: диакон Е. Саранча, чтецы И. Краев, С. Степанов, Н. Махамет и М. Душин, а также В. Н. Милованов — певчий Покровского собора на Рогожском кладбище Русской Старообрядческой Православной Церкви, передавший свои глубокие знания и умения в области знаменного пения многим слободским клирошанам.

Запись диска производилась в течение 2004 года на студии «Авторский проект», дизайн диска и печать вкладыша и обложки к нему выполнены в типографии «Линия Графи», руководитель которой М. В. Апалонов является неизменным попечителем всех издательских начинаний Михаило-Архангельской единоверческой общины.

Продолжительность звучания диска — 59 минут. Выбирая песенный материал для записи, ее участники желали максимально широко представить яркую палитру древнего знаменного распева. Приведем перечень песнопений, звучащих на диске:

1. Царю Небесный. Глас 6.
2. О Тебе радуется. Загостойник Божественной Литургии свт. Василия Великого. Глас 8.
3. Взбранной Воеводе. Кондак Службы Акафиста Пресвятыя Богородицы. Глас 8.
4. Святый Боже. Служба Великой Субботы.
5. Приидите ублажим Иосифа. Служба Великой Субботы. Глас 5.
6. Всемирную Славу. Догматик 1-го гласа.
7. Како не дивимся. Догматик 3-го гласа.

8. Иже Тебе ради. Догматик 4-го гласа.

9. Царь Небесный. Догматик 8-го гласа.

10. Се тма и рано. Евангельская стихера 7-го гласа.

11. Радуися Царице. Загостойник праздника Святой Пятидесятницы. Глас 4.

12. Светильны праздника Святой Пятидесятницы: Всевятыи Душе; Свет Отец.

13. Стихеры на хвалитех праздника Святой Пятидесятницы. Глас 4.

14. Волсви персидстии. Славник на литии праздника Рождества Христова. Глас 5.

15. Слава в вышних Богу. Стихера по 50-м псалме праздника Рождества Христова. Глас 6.

16. Песнопения праздника Рождества Христова:

Христос рождается. Ирмос 1-й песни канона 1-го творца. Глас 1.

Спасе люди. Ирмос 1-й песни канона 2-го творца. Глас 1.

Рождество Твое Христе Боже наш. Тропарь. Глас 4.

Девая днесь. Кондак. Глас 3.

Таинство странно. Ирмос 9-й песни канона 1-го творца с запева. Глас 1.

Подобаше убо. Ирмос 9-й песни канона 2-го творца с запева. Глас 1.

17. Днесь Христос в Вифлееме рождается. Славник на хвалитех праздника Рождества Христова. Глас 1.

Объяснимые несовершенства исполнительского мастерства участники записи старались восполнить напряженной подготовкой и большим желанием добиться качественного результата. Записи каждых 3–4 песнопений, составлявших определенный тематический фрагмент диска, предшествовали две-три недели усердной подготовки. Главная роль в записи диска, безусловно, принадлежала, самому опытному ее участнику В. Н. Милованову, воспитавшему не одно поколение певчих и бывшему главным вдохновителем работы над данным проектом.

Лица

МУЗЫКА ВЕЧНОЙ РУСИ

Настало время поговорить о Модесте Петровиче Мусоргском. В предыдущих выпусках «Правды Православия» в разделе «Лица» мы много рассказывали об одном из виднейших деятелей Единоверия XIX века Тертии Ивановиче Филиппове. Рассказ о нем мы еще продолжим. Но сегодня нам бы хотелось поделиться с читателями некоторыми мыслями о жизни и труде одного из близких сподвижников Филиппова — не только величайшего композитора, но также поэта и мыслителя, что необходимо подчеркнуть, ибо об этих сторонах его деятельности царит глубокое молчание — или, быть может, их просто не понимают. Не знают, *кто* перед ними. Именно не знают, хотя, казалось бы, все крайне просто и лежит почти на поверхности. Наверное, потому, что Мусоргский более, чем кто-либо, был — и является — частью не столько своего века, но *вечной Руси* — в самом буквальном смысле этого слова. Это самое простое в нем и в то же время самое загадочное.

Формально не принадлежа ни к Единоверию, ни к старообрядчеству, Модест Петрович Мусоргский всей душой своей и всем своим трудом в искусстве был обращен к старой до-раскольничьей Руси. В то же время как композитор он открыл такие средства музыкального выражения, которые принадлежат уже трагической по своему существу музыке XX столетия в ее самых неожиданных проявлениях.

Это соединение глубинной архаики и устремленности в будущее только и может свидетельствовать о принадлежности к *традиции* — в самом изначальном ее смысле. В Мусоргском — в самой крови его — живет то, что позднее поэт XX века Александр Введенский называл «двуверстным временем».

О *крови* Мусоргского мы сказали не случайно. Все, что с ним связано, вообще следует понимать буквально.

В «Российской родословной книге» указывается на происхождение рода Мусоргских по отцовской линии от князя Юрия Федоровича Смоленского, потомка Рюрика в XV поколении. Внук Юрия Федоровича, Роман Васильевич Монастырев по прозвищу «Мусорга», живший в XV столетии, и был родоначальником Мусоргских¹. Мать Модеста Петровича, Юлия Ивановна Чирикова, в свою очередь, происходила от князей Костровых, тоже прямых потомков Рюрика. В то же время как Мусоргские, так и Костровы, еще в начале XVII века ушли в небытие и не находились при дворе. Это крайне важно для понимания положения и сущности рода.

По древнему индоевропейскому правовому обычаю отпрыск царского (королевского) рода, поступая на службу, терял свое первоначальное достоинство. В знаменитом «Круге Земном» Снорри Стурлусона сохранился такой рассказ: *А Хрэмлауг конунг (король. — Прим. ред.) взошел на курган, на котором конунг*

М. П. Мусоргский

ги обычно сидели. Он велел поставить на нем престол конунга и сел на этот престол. Затем он велел положить подушку на скамейку, на которой обычно сидели ярлы (ярл — граф. — Прим. ред.), скатился с сиденья конунга на сиденье ярла и назваляся ярлом». Ссылаясь на этот древнейший обычай, современный исследователь Юрий Соловьев высказывает предположение: *«Это, возможно, объясняет, почему в России столь многочисленные, но уже служивые Рюриковичи так и не смогли утвердиться на троне после пресечения первой Династии»*.

В то же время — для современного правопонимания это звучит парадоксально — Рюриковичи несслуживые, то есть как раз ушедшие в небытие (а отец Павел Флоренский упоминает и о «крестьянах-Рюриковичах») это право на верховную власть — право крови — сохраняли, в том числе и в последующие века. К таковым относились и братья-князья Ухтомские, Андрей и Алексей (первый — академик АН СССР, а до революции виднейший деятель Единоверия; второй — архиепископ-новомученик, с большой любовью относившийся к Единоверию, бывший председателем Второго всероссийского съезда православных старообрядцев (единоверцев), прошедшего в Нижнем Новгороде в 1917 году). К таковым же относились и Мусоргский. И самое очевидное, характеризующее нашу «темную эпоху», это то, что все трое не оставили после себя потомства.

О том, что будущий автор «Царя Саула», «Бориса Годунова» и «Хованщины» с юности осознавал, какое наследство нес он в самом себе, свидетельствует его записка, сделанная, когда ему было всего двадцать лет. Побывав в Московском Кремле — сам он родился в Пековской области, а жил в Петербурге, — двадцатипятилетний Мусоргский записал: *«В Архангельском соборе я с уважением осматривал гробницы, между которыми находились такие, перед которыми я стоял с благоговением, такова Иоанна III, Дмитрия Донского и даже Романовых!»*...

А в 1874 году, как вспоминает певица Мариинской оперы Ю. Ф. Платонова, в антракте «Бориса Годунова» к ней подошел Великий Князь Константин Николаевич и спросил ее: *«И Вам нравится эта музыка так, что Вы взяли эту оперу в свой бенефис?»* — *«Нравится, Ваше Высочество»*, — отвечала я. — *«Так я Вам скажу, что это позор на всю Россию, а не опера!»* — крикнул он

чуть ли не с пеной у рта, отвернулся и отошел от меня».

Перед нами совершенно очевидное противостояние Руси старой, дораскольной, и России петербургской, «новой». Особенно поражает терпимость, спокойствие Мусоргского и яростная ревность Великого Князя.

Увы, все подтвердилось. В годину смуты из всего Дома Романовых только сам Царь-Мученик и его семья сохранили верность Святой Руси. Все остальные и прежде всего Великие Князья, так или иначе приняли участие в либеральном заговоре, тем самым потеряв право на престол. Так же как ранее его потеряли все служивые Рюриковичи. Впрочем, в отличие от последних, Романовы потеряли его с позором, через измену своему Царю и главе своего рода. Путь от семнадцатого века к семнадцатому году завершился.

Обо всем этом говорить в связи с Модестом Петровичем Мусоргским отнюдь не неуместно. Тема Русского Престола — одна из главных в его оперном творчестве. Этого не понимали и не могли понять в большинстве своем находившиеся под сильным влиянием народничества сподвижники композитора, в частности знаменитый критик В. В. Стасов. В 1873 году, в разгар работы над «Хованщиной», он писал Мусоргскому о желании последнего, наряду со старообрядческим вождем иноком Досифеем — князем Мышецким (не случайно Модест Петрович избрал родовое имя братьев Денисовых, авторов «Поморских ответов») — сделать также и любимую свою героиню — «Марфу раскольницу» княжной Спичкой: *«Ведь наконец вся опера будет состоять из князей и княгинь, это будет летопись княжеских отродий!... Да что это, наконец, за княжеская опера такая, между тем, как мы именно все собирались делать оперу народную»*.

То, что для Стасова взаимно исключало одно другое, для Мусоргского было столь естественно, сколь и очевидно. Опера «княжеская», которую он задумал, была в такой же степени и народной, чего так желали его друзья-«народники». Дело в том, что разлад между народом и высшим слоем русского общества начался даже не при Петре I, как то утверждали славянофилы, а при его отце, царе Алексее Михайловиче, втором Романове. Начался с церковного раскола, когда древнее Православие стало народной и даже «простонародной» верой, а «государев верх» пошел по пути постепенного сползания сначала к «обновленному», «реформированному» Православию, затем — к полулютеранству, а следом

за ним и вовсе к безбожию. Те же, кто сохранили смутное мистическое чувство, волю к бессмертию, стали искать выхода в масонстве, розенкрейцерстве, «жеименном знании». До раскола XVII века весь народ, составлявший одну Церковь, — от Царя до крестьянина, как писал в опубликованном ранее «Правдой Православия» письме к Тертию Филиппову Иларион Кабанов (Ксенос), жил одной правдой, пребывал в подлинном единомыслии и единочувствии, и это отражалось даже и в единстве внешнего облика, чему положили конец уже Петр. Но то, чего не понимала обоже-ствлявшая современный ей народ и сделавшая из него идола «передовая интеллигенция» XIX века, к какой принадлежал и Стасов, о том не просто «теоретически» знал, но подлинной родовой памятью помнил потомок ушедших в неги Рюриковичей.

Ни Стасов, ни Великий Князь Константин Николаевич не понимали и не могли понимать народа, которым один клялся, а другой управлял.

Иное — Мусоргский. В отроческих и юношеских своих годах, а потом и в зрелом возрасте брат Модест всегда относился ко всему народному и крестьянскому с особенной любовью и считал русского мужика настоящим человеком, — вспоминал его брат Филарет Петрович⁴.

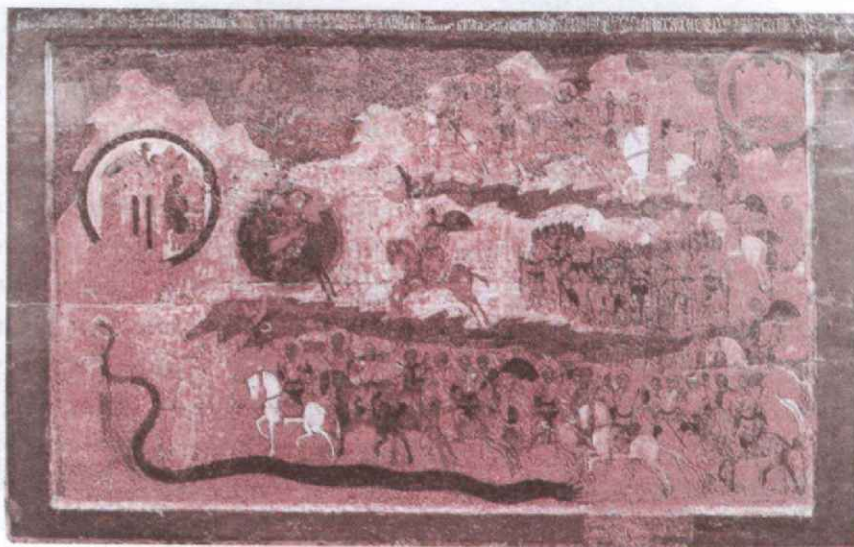
А в 1874 году, завершив «Бориса Годунова», Мусоргский записал: *Я разумею народ как великую личность, одушевленную единою идеею. Это моя задача. Я попытался разрешить ее в опере.* Такое понимание в XVIII—XIX веках русским обществом было утрачено полностью. Только славянофилы пытались к нему вернуться, но тоже оказались в конечном счете бессильны — обвиняя во всем «европеизацию» Петра I, они споткнулись о раскол, «не заметили» его, или не захотели заметить, ибо тогда им пришлось бы менять и свою собственную жизнь...

Старое русское понимание народа и Церкви — в их единстве — выражено в

знаменитой иконе XV века «Благословенно воинство Небесного Царя» или «Церковь воинствующая», написанной по указанию Царя Иоанна Васильевича Грозного. Она относится к тому же единому церковно-культурному своду, объединяющему «Стоглав», «Домострой», «Степенную Книгу Царского Родословия», а также Канон Ангелу Грозному Воеводе и стихеры, написанные самим Грозным Царем. Все это — вершина русской культуры, которой она никогда более не достигала, ее действительно «золотой век». Народ вместе с Царем — Царь (а не Патриарх!) на иконе ведет земную часть Церкви воинствующей, охраняемой свыше небесным, ангельским чином — есть совокупность всех живых, умерших и еще не родившихся, объединенных в *единую личность*, — вот древнее, дораскольное понимание народа. В XVII веке оно было сломано. Народ стал «простонародьем», а знать (от слова «знать», «знание») — политически и экономически привилегированным кругом, ориентирующимся на «культурный» Запад.

Мусоргский и близкий к нему круг композиторов, среди которых следует особо выделить Александра Порфирьевича Бородина и Ми-

лия Алексеевича Балакирева (интересно, что Балакирев был единоверцем, прихожанином Никольского храма в Петербурге), поднялись против засилья в русском музыкальном репертуаре итальянских образцов, к которым вполне «лояльно» относились «консерваторские» круги (П. И. Чайковский, братья Антон и Николай Рубинштейны и другие). Заметим, что итальянское «бельканто» проникает в Россию с XVIII века — и даже еще с конца XVII — сначала не через светскую музыку, а через реформированное церковное пение. Именно при дворе Елизаветы Петровны возникает особая культура церковных певчих «русского барокко» с исполнением церковных песнопений на итальянский лад, против чего предостерегали Императрицу и Синод и даже Восточные Патриархи. Праздничные богослуже-

Икона «Церковь воинствующая»

лия Алексеевича Балакирева (интересно, что Балакирев был единоверцем, прихожанином Никольского храма в Петербурге), поднялись против засилья в русском музыкальном репертуаре итальянских образцов, к которым вполне «лояльно» относились «консерваторские» круги (П. И. Чайковский, братья Антон и Николай Рубинштейны и другие). Заметим, что итальянское «бельканто» проникает в Россию с XVIII века — и даже еще с конца XVII — сначала не через светскую музыку, а через реформированное церковное пение. Именно при дворе Елизаветы Петровны возникает особая культура церковных певчих «русского барокко» с исполнением церковных песнопений на итальянский лад, против чего предостерегали Императрицу и Синод и даже Восточные Патриархи. Праздничные богослуже-

ния сопровождался салютом — например, артиллерийская канонада начиналась на «Свят, Свят, Свят...». Именно тогда, и отнюдь не только в старообрядческой среде, получила хождение поговорка «партесы поют бесь»... Рыба гниет с головы, и если прав о. Павел Флоренский в том, что сердцевина культуры — культ, то можно вынести и соответствующее суждение о русской культуре и XVIII, и XIX веков, которые часто именуют «золотым веком». Забывая о золотом веке подлинном.

Менее однозначно негативным, а, скорее, даже просто положительным считала «новая русская школа» (уже упоминавшиеся композиторы, а также Н.А. Римский-Корсаков и Ц.А. Кюи) влияние немецкое. Л. Бетховена, Ф. Шуберта, Р. Шумана и особенно Р. Вагнера «Могучая кучка» видела своими учителями в области композиции, хотя мелодику русские музыканты использовали вслед за Глинкой русскую. Что касается Мусоргского, то Вагнер имел для него особое значение, прежде всего, как создатель оперы «космического звучания», «оперы-мифа», к которому стремился и сам Мусоргский. Все это не случайно. Возвышенный строй, созерцательность, «священные длинноты» германской музыки не могут не находить отзыва у всех народов европейского Севера, свободных от средиземноморской чувственности и чувствительности. С одним отличием. Германская музыка по преимуществу чисто инструментальная, в основном симфоническая, и даже у Вагнера оркестровые эпизоды в его операх значительно сильнее собственно пения. В этом и состоит особенность «сумрачного германского гения», не получившего «святоотеческой прививки» — утонченного богословского, византийского, ставшего также и русским, «влетения словес». Русская музыка неразрывно связана со словом, и там, где эта неразрывность соблюдена, она достигает вершин, а «чистый симфонизм» в России у того же П.И. Чайковского часто был весьма умозрительен и описателен. Мусоргского упрекали в том, что он пишет мало инструментальной музыки, а если пишет, то не доводит музыкальную мысль до конца. Объясняли такую его манеру якобы недостаточным профессионализмом — почти всю жизнь он служил сначала по военной части, а затем в Государственном контроле, куда его устроил Т.И. Филиппов, да и консерватории не окончил, хотя она тогда только еще создавалась, — но на самом деле это свидетельствовало о его глубинной, врожденной, родовой укорененности именно в русской, славянской, словесной музыкаль-

ной культуре, связанной с Православным, более того, Древлеправославным культом, лишенным экстатической пульсации нижней части сердца и сосредоточенном в глубине его вершины. Отсюда — тяга к слову, преодолевающему безсловесное смятение. Из культа это переходит и в культуру, хотя в последней может и чрезвычайно далеко уходить «на страну далече» от целомудрия культа. На это обращала внимание тогдашняя критика. В частности, в № 49 «Московских ведомостей» известный тогда Г.А. Ларош писал: *Г-н Мусоргский — либреттист и композитор в одно время; он принадлежит к тем редким личностям, призвание которых одинаково влечет и к слову, и к музыкальному тону. Как реалист новейшей русской чеканки, он и в литературу вносит те же стремления, которыми он питается в музыке: он ищет «правды», и ему кажется, что Пушкин (пригодный для современной оперы по многим недурным частностям) слишком беден этой правдой, что он риторичен, неестествен, что он подлежит исправлениям, дополнениям и сокращениям.*

Сам создавая либретто своих опер, равно как и стихи для многих песен и романсов («Песни и пляски смерти», правда, написаны на стихи графа А.А. Голицына-Кутузова), он долгие годы был своего рода alter ego композитора, и сколько там Кутузова, а сколько самого Мусоргского, сказать трудно), Мусоргский в письме к В.В. Никольскому задавал вопрос (сам себе?): *Если допустить воспроизведение художественным путем человеческого говора со всеми его тончайшими и капризнейшими оттенками, изобразить естественно, как жизнь и склад человека велик, — будет ли это подходить к обоготворению человеческого дара слова? И если возможно самым простым способом, только строго подчиняясь художественному инстинкту в ловле человеческих голосовых интонаций, хватать за сердце, то не следует ли заняться этим? А если при этом можно схватить и мыслительную способность в тиски, то не подобает ли отдаться такому занятию?»*

Кто в этом случае такой Мусоргский? Композитор? Поэт? Драматург? Или философ, за несколько десятилетий предваривший Мартина Хайдеггера и Алексея Федоровича Лосева? Скорее всего, речь идет о древней «триединой хорее» искусств, сохраненной в «старой памяти» композитора со-творца, ставшего, по про-

мыслу Божию, выразителем *русского национального мифа* (как Рихард Вагнер — германского). Не следует понимать миф на «бытовом» уровне, как некий вымысел. *Миф есть бытие личностное, или, точнее, образ бытия личностного, личностная формула, лик личности*», — писал А.Ф. Лосев. И далее: миф *не есть догмат, но история*». Применительно к тому пониманию народа, которое мы встречаем у Мусоргского, сказанное нами получает объяснение. В его музыке — особенно в «Хованщине» «лик личности» Руси явлен наиболее очевидно и в то же время сокрыто (как и у Вагнера в «Кольце Нибелунгов» «лик личности» Германии).

Отцы Церкви, а на Руси наиболее последовательно — отцы Стоглавого Собора жестко осуждали лицедеев, гудцов, сопелников, скоморохов. «Позорищные профессии» — певца, актера, танцора — церковный канон считает препятствием к Причащению Святых Христовых Тайн. Опера — то есть то, чем, прежде всего, занимается Мусоргский — безусловно, относится к числу таких областей искусства. Об этом следует говорить ясно и без обиняков. Быть может, именно поэтому композитор — в отличие от далекого от театра Балакирева, глубоко воцерковленного, духовного сына одного из известнейших единоверческих священников XIX века о. Иоанна Верховского не вел строго церковной жизни, и на этом не настаивал даже его близкий друг Третий Иванович Филиппов, с которым Модест Петрович находился в полном единомыслии по вопросам Старообрядчества, Единоверия, «современным церковным вопросам». Духовно платя за свою «дистанцию», как почти всегда в таких случаях, «русской болезнью», он пребывал как бы «в чине кающихся», или, если говорить на языке федосеевцев, — «немолящихся». Это было на самом деле честно в отличие от регулярного ежегодного причащения танцующих Императорского балета и всего прочего подобного, чем была полна церковно-придворная жизнь XIX столетия. Только сам Господь, а не мы, является в этих вещах Судией.

Очевидно, однако, что в случае Мусоргского (как и Вагнера) опера теряет характер простого зрелища, и из *пазорища* превращается в *воззрение*. Таков «Борис Годунов». Такова «Хованщина».

Обе великие оперы Мусоргского ориентированы эсхатологически, как и весь «русский миф» (в лосевском понимании этого слова). Не в том, конечно, смысле, что в них присутствуют некие «эсхатологические толко-

вания», а в том, что драма истории предстает в *перспективе конца истории*. Конец старой Святой Руси — в «Борисе Годунове» — это *начало конца*, а в «Хованщине» — *сам конец*, четко обозначенный *стихией огня*, — выступает в этих двух «операх-мифах» как прообраз *конца всего*. И там, и там в средоточии мифа фигура Царя. Если в «Борисе Годунове» это «царь-не-царь» (Борис) и самозванец (лжецарь), то в «Хованщине», на самом деле, Царь это уже просто «фигура отсутствия». Имеющие право царствовать — инок Досифей (князь Мышецкий) и Марфа Сицкая (женщина, что исключало наследование престола как по салическому, так и по русскому закону), — царствовать не могут и никогда не будут. Появляющийся в конце на коне Петр — *после огня*, а точнее, *вместе с огнем* — безбородая и стриженная пародия на царский лик — заставляет вспомнить об умозрениях бегунского старца Евфимия и в то же время с характерным для Мусоргского «смехом стихий» водит за нос цензуру...

Цензура, однако, неожиданно, как это часто бывает, не ухудшила, а улучшила создание Мусоргского. Дело в том, что цензоры долгое время не пропускали оперу на сцену под предлогом того, что духовное лицо не может быть «сыграно» (что в принципе совершенно правильно, поскольку грех лицедейства в этом случае усугубляется грехом святотатства), а на все замечания друзей и покровителей Мусоргского, да и его самого, что Досифей, дескать, «раскольник», разводили руками. Что, кстати, прекрасно характеризует «консисторскую ситуацию» до *снятия клятв* — так раскольник все-таки или не раскольник? Тогда Мусоргский дал этому персонажу другое прозвание — *Корень*. Действительно, среди первых старообрядцев некий Иван Корень был. Но дело, конечно, не в этом. Старовер Князь Мышецкий — потомок Рюрика — и есть Корень Руси. Когда дерево срублено, Корень остается. А поскольку Корень теперь уже не священноник, а просто князь и одновременно наставник, то не сберегается ли *на час огня* тайный «отрок отроков»?

В таком виде опера шла до 1905 года, когда была отменена цензура. Так не благо ли она вообще для *истинного искусства*?

Работая над «Хованщиной», Мусоргский много сил и времени потратил на изучение знаменного распева, равно как и народных песен, в особенности духовных стихов и иных, бытовавших в старообрядческой среде. Неоценимую помощь оказал ему в этом Третий Иванович Филиппов, в доме которого он часто бывал в это время.

Сам Филиппов был сборщиком огромного свода народных песен, который впоследствии был опубликован. Отрывки из него вошли и в «Хованщину». Более того, длительные беседы Филиппова с Мусоргским по вопросам истории церковного раскола XVII века, старообрядческих согласий и прочему позволяют сказать о Третьем Ивановиче как о фактическом «соавторе» либретто оперы, на что он, конечно, никогда не претендовал.

Знаменным распевом Мусоргский интересовался давно, и следы его заметны и в прочем, не оперном, вокальном творчестве, причем в значительно большей степени, чем стихия «городского романса», захватившая наряду с итальянскими заимствованиями того же Чайковского. Даже в таких, на первый взгляд, далеких от церковности, в каком-то смысле «гностических» циклах, как «Без солнца» и «Песни и пляски смерти», мы встречаем те же музыкальные ходы и фразы, что звучат в древних церковных распевах. Человек с глубинной «старой памятью», попавший в такую, «без солнца», эпоху «петербургского пленения», несущую только смерть, хотя порой и «красную смерть», «смерть-возлюбленную», — вот музыкально-поэтический герой этих циклов. Иначе в операх, особенно в «Хованщине».

Работая над «Хованщиной», Мусоргский тщательно изучал как образцы знаменного пения, так и источники по истории событий XVII века и весь огромный свод современной ему старообрядческой литературы. Помогали ему в этом, прежде всего, Третий Филиппов (как мы знаем, писатель и знаток не только музыки, но и словесности) и Милый Алексеевич Балакирев, в чьей симфонической поэме «Русь», увы, в наше время забытой (она часто исполнялась только в 40-х — начале 50-х годов XX века) широко использованы переложения старообрядческих распевов. В. В. Стасов записывал: *Му-*

соргский занялся этой оперой с жаром, изучение им раскольников, древнерусских и вообще всяческих исторических источников XVII века — было громадно». А сам Мусоргский пишет в это время Стасову: ...купаюсь в сведениях, голова, как котел, знай, подкладывай в него. Желябужского, Крекшина, гр. Матвеева, Медведева, Щербальского и Селевского уже высосал, теперь посасываю Тихомирова, а там и Аввакума — на закуску. На днях нырнул в самую «Глыбь» и обрел следующую жемчужину (раскольниковый скит, повествование Мышецкого).» В июле 1872 года Модест Петрович подробно изучает «Житие протопопа Аввакума». Весь этот перечень можно продолжать.

Пением церковным Мусоргский тоже интересовался очень давно. Впрочем, что ему могли дать хоры тогдашних петербургских храмов, если даже в Единоверии повсеместное возрождение истинного знаменного пения началось только с начала XX века? В собственно же старообрядческие храмы и безпоповские молебни (где древнее пение было не только истовым, но и сохраняло черты XIV—XV вв.) тогда было не только невозможно даже заходить, но и сами старообрядцы относились к приходящим нетерпимо, не допуская их не только до молитвы, что вполне естественно, но и до «слушания Божественного пения». Одна-

ко еще в ранней юности, учась в Школе гвардейских подпрапорщиков, Мусоргский, «часто посещая законоучителя отца Крупского», успел благодаря ему глубоко проникнуть в самую суть древнецерковной музыки греческой и католической». Здесь интересны две вещи. С одной стороны, характер образования русского духовенства XIX века, знавшего древнее пение «греческое и католическое», но не русское, считавшееся чуть ли не «крамоллой». С другой — Мусоргский изучал пение именно «древнецерковное», то есть, унисонное. Впрочем, позже, когда Мусоргский ездил по Тверской области, он много

Могила композитора

беседовал, как сам писал, «с толковыми попами о раскольничьем пении», и хорошо в нем разобрался. Помогли и материалы, предоставленные Тертием Филипповым. Словом, начиная работу над «Хованщиной», он не только понимал — понимал он всегда, — но и знал. Замечательно письмо его к В. В. Стасову перед началом работы над оперой: *А что если Мусоргский да грянет по Руси-матушке! Ковырять чернозем не впервые стать, да ковырять не по удобренному; а в сырье хочется, не познакомиться с народом, а побрататься жаждется: страшно, а хорошо!.. Не ведомо мне что ли, на что отзвук дать? Не чую, где сила кроется, где правда глаза застилает, да, пожалуй, и поздри... Черноземная сила проявится, когда до самого дна ковырнешь. Ковырнуть чернозем можно орудием состава ему посторонне-*

го. И повернули же в конце XVII Русь-матушку таким орудием, что и не распознала сразу, чем ковыряют, и как чернозем раздалась и дышать стала. Вот и восприняла сердечная разных действительно и тайно статских советников и не дали ей многострадальной опомниться и подумывать: «куда прет?» Сказали невежды и смятенных: сила! А приказная изба все живет и сыск тот же, что и за приказом; только время не то: действительно и тайно статские мешают чернозему дышать. Прошедшее в настоящем — вот моя задача. Ушли вперед!» — врешь, «там же!» Бумага, книга ушла — мы там же. Пока народ не может проверить во очию, что с ним стряпают, пока не захочет сам, чтобы то или то с ним состряпалось — там же!»

(Продолжение следует)

¹ См.: «Российская родословная книга, издаваемая князем Петром Долгоруким», ч. IV, СПб, 1857, с. 18-20, тж. С. В. Любимов. «Мусоргские, опыт поколенной росписи». Псков, 1916, с. 15.

² Снорри Стурлусон. «Круг Земной». М., 1920, с. 45.

³ Юрий Соловьев. «Могилы Рюрика» и возвращение Государя. Тверь, 2004, с. 20.

⁴ Цит. по А. Орлова. «Труды и дни М. П. Мусоргского. Летопись жизни и творчества». М., 1963, с. 77.

⁵ Там же, с. 354.

⁶ «М. П. Мусоргский. К пятидесятилетию со дня смерти. Статьи и материалы под ред. Ю. Келдыша и Вас. Яковлева». М., 1932, с. 13.

⁷ Там же, с. 129.

⁸ Цит. по А. Орлова «Труды и дни...», с. 373-374.

⁹ М. П. Мусоргский. Письма и документы под ред. А. Н. Римского-Корсакова. М., 1932, с. 147-148.

¹⁰ Лосев А. Ф. «Миф. Число. Сущность». М., 1994, с. 73.

¹¹ Там же, с. 192.

¹² Стасов В. В. Избранные статьи о М. П. Мусоргском. Под ред. А. С. Оголевца. М., 1952, с. 123.

¹³ Мусоргский упоминает следующие источники: «Записки Желябужского», изд. Д. Языковым в 1840 г.; П. Н. Крекшин. «Краткое описание славных и достопамятных дел Петра Великого», «Библиотека для чтения», 1849; «Записки графа Андрея Артамоновича Матвеева», сборник Снегирева, 1838; «За-

писки Медведева» в сборнике Сахарова, 1838; «Правление царевны Софьи» П. Щебальского, М., 1836; Семейский М. И. «Царица Прасковья», ж. «Время», 1861; Тихонравов Н. С. «Боярыня Морозова», «Русский вестник», 1883 (с приложением шлемом протопопа Аввакума); «Глыбы» (она же «Повесть о Тевте и Гордаде») из сборника Н. С. Тихонравова «Летописи русской литературы и древности» (кн. V, с. 43); Тихонравов Н. С., «Памятники отреченной русской литературы», т. 1-2, М., 1863. Заметим, что большинство памятников оказались в списках «отреченных» только после реформ XVII в. и особенно учреждения Петром I Синода (когда иночествующим было запрещено писать и даже держать у себя в кельях книги, перья и бумагу). Большинство памятников, попавших в собрание Тихонравова и датированных XIII—XVII вв., найдены им в библиотеке Троице-Сергиевой Лавры и Соловецкого монастыря. Среди них «Заветы двенадцати Патриархов», на которых строился фресковый ряд многих храмов того времени, и «Откровение Мефодия Патарского», на которое ссылаются многие летописи. Оно вообще никогда не входило в списки отреченных книг.

¹⁴ См.: А. Орлова «Труды и дни...», с. 256.

¹⁵ Протоиерей Кирилл Крунский, преподаватель Закона Божьего в Школе гвардейских подпрапорщиков, которую окончил Мусоргский.

¹⁶ М. П. Мусоргский. «Письма и документы», с. 422.

¹⁷ Там же, с. 217.

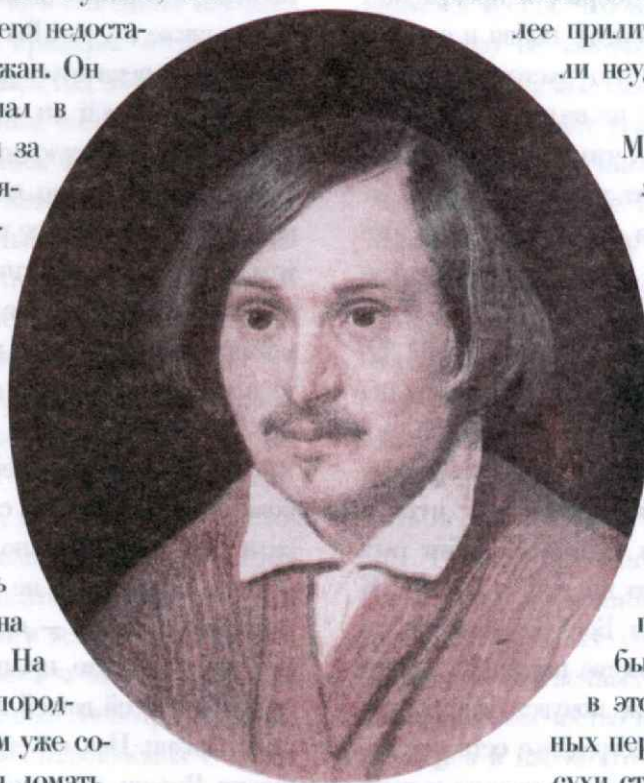
Литературная страница

Мы продолжаем публикацию произведений, отражающих религиозные раздумья и прозрения великого русского писателя Н.В. Гоголя. Настоящая подборка текстов, имея своей основой внутренние духовные переживания автора, отчасти касается размышлений о российской жизни в целом, государственности, социальном устройстве, состоянии общества. Сегодня, вчитываясь в эти строки, мы имеем возможность не только познакомиться со взглядами писателя на различные области жизни современной ему России, но и почувствовать неугасающую актуальность затрагиваемых вопросов бытия нашей родины в ее нынешнем состоянии.

ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК

Рассмотрение хода просвещения России. Петр открыл ход русским в Европу просвещенную, развитую, получившую гражданственность. Он сделал пользу: бери и забирай все лучшее, что там ни есть готовое, пополняй чего не хватает. Но русский народ неводержан. Он перешел границы всего и впал в крайность. Жадно он схватился за все, что нужно и не нужно. Втянувшись в разветвления роскоши и бесчисленную мелочь, позабыл совершенно то, что есть в своей земле; восхитившись оригинальностью и странностью европейского быта, задумал перенести его к себе, точно как будто возможно позабыть, что Европа развилась оттого так, что развилась из своих начал. Россия должна была развиваться из своих начал. На Европу нужно было глядеть не породившись, не обезсилев. Если дом уже построен по одному плану, нельзя ломать его. Можно украшения убрать, отлично отделать всякой уголок по-европейски. Но ломать капитальные стены строения — это нелепость, это почти то же, что поправлять дело рук Божьих. От этого произошло, что собственно русское в России мало подвинулось, несмотря на 100 лет непрерывных подправок, переделок, хлопот и возни. В науках, искусствах, в образе жизни, а пуще всего в голове русского человека произошло хаотическое сме-

шение всего. Все пробы заведений, чем далее тем более, становились неудачны, оттого русской чем более входил в европейскую жизнь, тем более позабывал свою землю и тем менее мог знать, что ей более прилично. От этого все прививки были неудачны, не принимались.

Портрет Н.В. Гоголя, написанный
А.А. Ивановым в 1841 году

Хозяйство не ушло вперед. Множество переводных книг о земледелии, о всех отраслях садоводства спутали хозяев. Каждый переломал, перековеркал все у себя и ничего не установил нового. Те, которые поумнее, перепробовав все, возвратились вновь к прежнему простому первобытному, близкому к природе той земли, в которой он родился. Земля стала еще бесплоднее, потому что никогда в России не было вырублено столько леса, как в это время ломок, перестроек, вечных переправок и переделок. Оттого засухи стали сильнее. Высохнувшие реки перестали разливаться и меньше орошают поля.

Страсть к обезьянству стала так велика, что мы готовы завести железные дороги прежде, чем подумали, откуда взять топливо.

Науки не делали своего дела уже потому, что отвлеклись от жизни, набили головы множеством терминов, увлекли их в философию, стали решать на бумаге то, что совершенно разрешалось в жизни, приучили к строенью

воздушных замков и сделали людей неспособными к практическому делу и нынешним громоздом своим утрудили ум и способности и стали вмешиваться в жизнь, дела и совершенно принадлежать частному человеку. От

этого и через это внесло сложность необыкновенную. Множество комиссий, комитетов увеличило сложность, упавшую тяжелым бременем. Посреди всего этого всякое чувство экономии потерялось. Трата денег страшная.

НУЖНО ЛЮБИТЬ РОССИЮ

(Глава из книги «Выбранные места из переписки с друзьями»)

Письмо это было адресовано графу А.П. Толстому, потому что одного из грузинских царей, человеку религиозному, глубоко порядочному, преданному Церкви. Гоголь очень ценил дружбу с графом, который, возможно, в свою очередь, оказывал также на писателя некоторое нравственное влияние.

Без любви к Богу никому не спастись, а любви к Богу у вас нет. В монастыре ее не найдете; в монастырь идут одни, которых уже позвал туда Сам Бог. Без воли Бога нельзя и полюбить Его. Да и как полюбить Того, Которого никто не видал? Какими молитвами и усилиями вымолить у Него эту любовь? Смотрите, сколько есть теперь на свете добрых и прекрасных людей, которые добиваются жарко этой любви и слышат одну только черствость да холодную пустоту в душах. Трудно полюбить того, кого никто не видал. Один Христос принес и возвестил нам тайну, что в любви к братьям получаем любовь к Богу. Стоит только полюбить их так, как приказал Христос, и сама собой выйдет в итоге любовь к Богу Самому. Идите же в мир и приобретите прежде любовь к братьям.

Но как полюбить братьев, как полюбить людей? Душа хочет любить одно прекрасное, а бедные люди так несовершенны и так в них мало прекрасного! Как же сделать это? Поблагодарите Бога прежде всего за то, что вы русский. Для русского теперь открывается этот путь, и этот путь есть сама Россия. Если только возлюбит русский Россию, возлюбит и все, что ни есть в России. К этой любви нас ведет теперь Сам Бог. Без болезней и страданий, которые в таком множестве накопились внутри ее и которых виною мы сами, не почувствовал бы никто из нас к ней сострадания. А сострадание есть уже начало любви. Уже крики на безчинства, неправды и взятки — не просто негодование благородных на безчестных, но вопль всей земли, послышавшей, что чужеземные вра-

ги вторглись в безчисленном множестве, рассыпались по домам и наложили тяжелое ярмо на каждого человека; уже и те, которые приняли добровольно к себе в дома этих страшных врагов душевных, хотят от них освободиться сами, и не знают, как это сделать, и все сливается в один потрясающий вопль, уже и безчувственные подвигаются. Но прямой любви еще не слышно ни в ком, — ее нет также и у вас. Вы еще не любите Россию: вы умеете только печалиться да раздражаться слухами обо всем дурном, что в ней ни делается, в вас все это производит только одну черствую досаду да уныние. Нет, это еще не любовь, далеко вам до любви, это разве только одно слишком еще отдаленное ее предвестие. Нет, если вы действительно полюбите Россию, у вас пропадет тогда сама собой та близорукая мысль, которая зародилась теперь у многих честных и даже весьма умных людей, то есть будто в теперешнее время они уже ничего не могут сделать для России и будто они ей уже не нужны совсем; напротив, тогда только во всей силе вы почувствуете, что любовь всемогуща и что с ней возможно все сделать. Нет, если вы действительно полюбите Россию, вы будете рваться служить ей; не в губернаторы, но в капитан-неправники пойдете, — последнее место, какое ни отыщется в ней, возьмете, предпочитая одну крупницу деятельности на нем всей вашей нынешней, бездейственной и праздной жизни. Нет, вы еще не любите России. А не полюбивши России, не полюбивши своих братьев, а не полюбивши своих братьев, не возгореться вам любовью к Богу, а не возгоревшись любовью к Богу, не спастись вам.

АВТОРСКАЯ ИСПОВЕДЬ

Данный труд был найден в записках Н.В. Гоголя после его смерти. Название ему дано было издателями. Это произведение представляет собой ответ на критику «Выбранных мест из переписки с друзьями». Мы публикуем лишь некоторые, на наш взгляд, наиболее значительные отрывки из него.

Все согласны в том, что еще ни одна книга не произвела столько разнообразных толков, как «Выбранные места из переписки с друзьями». И что всего замечательней, чего не случилось, может быть, доселе еще ни в какой литературе, предметом толков и критик стала не книга, но автор. Подозрительно и недоверчиво разобрано было всякое слово, и всяк наперерыв спешил объявить источник, из которого оно произошло. Над живым телом еще живущего человека производилась та страшная анатомия, от которой бросает в холодный пот даже и того, кто одарен крепким сложенем. Как, однако же, ни были потрясающи и обидны для человека благородного и честного многие заключения и выводы, но, скрепясь, сколько достало небольших сил моих, я решился стерпеть все и воспользоваться этим случаем как указанием свыше — рассмотреть построже самого себя. <..>

Сделаю вскользь замечанья два на то, что не относится до моих нравственных качеств. Меня изумило, когда люди умные стали делать придирки к словам совершенно ясным и, остановившись над двумя-тремя местами, стали выводить заключения, совершенно противоположные духу всего сочинения. Из двух-трех слов, сказанных такому помещику, у которого все крестьяне земледельцы, озабоченные круглый год работой, вывели заключение, что я воюю против просвещения народного, — это показалось мне очень странно, тем более что я полжизни думал сам о том, как бы написать истинно полезную книгу для простого народа, и остановился, почувствовавши, что нужно быть очень умну для того, чтобы знать, что прежде нужно подать народу. А покуда нет таких умных книг, мне казалось, что слово устное пастырей церкви полезней и нужней для мужиков всего того, что может сказать ему наш брат писатель. Сколько я себя ни помню, я всегда стоял за просвещение народное, но мне казалось, что еще прежде, чем просвещение самого народа, полезней просвещение тех, которые имеют ближайшия столкновения с народом, от которых часто терпит народ. Мне казалось, наконец, гораздо более требовавшим внимания к себе не сословие земледельцев, но то мелкое сословие, ныне увеличивающееся, которое вышло из земледельцев, которое занимает разные мелкие места и, не имея никакой нравственности, несмотря на небольшую грамотность, вредит всем, затем чтобы жить на счет бедных.

Для этого-то сословия мне казались наиболее необходимыми книги умных писателей, которые, почувствовавши сами их долг, умели бы им их объяснить. А землепашец наш

мне всегда казался нравственнее всех других и менее других нуждающимся в наставлениях писателя.* <..>

Не менее странно также из того, что я выставил ярко на вид наши русские элементы, делать вывод, будто я отвергаю потребность просвещения европейского и считаю ненужным для русского знать весь трудный путь совершенствования человеческого. И прежде и теперь мне казалось, что русский гражданин должен знать дела Европы. Но я был убежден всегда, что если при этой похвальной жадности знать чужеземное, упустишь из виду свои русские начала, то знания эти не принесут добра, собьют, спутают и разбросают мысли, наместо того чтобы сосредоточить и собрать их. И прежде и теперь я был уверен в том, что нужно очень хорошо и очень глубоко узнать свою русскую природу и что только с помощью этого знания можно почувствовать, что именно следует нам брать и заимствовать из Европы, которая сама этого не говорит. Мне казалось всегда, что прежде, чем вводить что-либо новое, нужно не как-нибудь, но в корне узнать старое; иначе применение самого благодетельнейшего в науке открытия не будет успешно. С этой целью я и заговорил преимущественно о старом. <..>

Я не знал еще тогда, что тому, кто пожелает истинно честно служить России, нужно иметь очень много любви к ней, которая бы поглотила уже все другие чувства, — нужно иметь много любви к человеку вообще и сделаться истинным христианином во всем смысле этого слова. А потому и немудрено, что, не имея этого в себе, я не мог служить так, как хотел, несмотря на то, что сторал действительно желаньем служить честно. <..>

С этих пор человек и душа человека сделались больше чем когда-либо, предметом наблюдений. Я оставил на время все современное; я обратил внимание на узнание тех вечных законов, которыми движется человек и человечество вообще. Книги законодателей, душеведцев и наблюдателей за природой человека стали моим чтением. Все, где только выражалось познание людей и души человека, от исповеди светского человека до исповеди анахорета и пустынноика, меня занимало, и на этой дороге, нечувствительно, почти сам не ведая как, я пришел ко Христу, увидевши, что в Нем ключ к душе человека и что еще никто из душевнателей не всходил на ту высоту познания душевного, на которой стоял Он. Поверкой разума поверил я то, что другие понимают ясной верой и чему я верил дотоме как-то темно и неясно. К этому привел меня и анализ над

моею собственной душой: я увидел тоже математически ясно, что говорить и писать о высших чувствах и движениях человека нельзя по воображению: нужно заключить в себе самом хотя небольшую крупицу этого, — словом, нужно сделаться лучшим. ... Я не считал ни для кого соблазнительным открыть публично, что я стараюсь быть лучшим, чем я есмь. Я не нахожу соблазнительным томиться и стогать явно, в виду всех, желанием совершенства, если сходил за тем Сам Сын Божий, чтобы сказать нам всем: *Будьте совершенны так, как совершен Отец ваш Небесный.* <..>

Все более или менее согласились называть нынешнее время переходным. Все, более чем когда-либо прежде, ныне чувствуют, что мир в дороге, а не у пристани, даже и не на почлеге, не на временной станции или отдыхе. Все чего-то ищет, ищет уже не вне, а внутри себя. Вопросы нравственные взяли перевес и над политическими, и над учеными, и над всякими другими вопросами. И меч, и гром пушек не в силах занимать мир. Везде обнаруживается более или менее мысль о внутреннем строении: все ждет какого-то более стройнейшего порядка. Мысль о строении как себя, так и других делается общею. Со всеми замечательными, стоящими впереди других людьми случились какие-нибудь душевные внутренние перевороты, с иными даже в такие годы, в какие никогда невозможны были доселе перемены в человеке и улучшения. Всяк более или менее чувствует, что он не находится в том именно состоянии своем, в каком должен быть, хотя и не знает, в чем именно должно состоять это желанное состояние. <..>

Как ни бурно нынешнее время, как ни мнутесь и ни волнуетесь вокруг умы, как ни возмущает тебя собственный ум твой, но можно остаться среди всего этого в тишине, если с тем именно возьмешь свое место, чтобы на нем исполнить долг таким образом, чтобы не стыдно было дать и за который дашь ответ Небу. Как бы то ни было, но жизнь для нас уже не загадка. Она была тогда загадка, когда умнейшие из людей, от мыслителей до поэтов, над ней задумывались и приходили только к сознанию, что не знают, что такое жизнь. Но когда Один, всех наумнейший, сказал твердо, не колеблясь никаким сомнением, что Он знает, что такое жизнь, когда этот Один признан всеми за величайшего человека из всех доселе бывших, даже и теми, которые не признают в Нем Его

Божественности, тогда следует поверить Ему на слово, даже и в таком случае, если бы Он был просто человек. Стало быть, вопрос решен: что такое жизнь?

Этого мало. Нам дан полнейший закон всех действий наших, тот закон, которого не может стеснить или остановить никакая власть, который можно внести даже в тюремные стены, но которого, однако ж, нельзя исполнять на воздухе: нужно для того стоять хоть на каком-нибудь земном грунте. Находясь в должности и на месте, все-таки идешь по дороге; не имея определенного места и должности, идешь через кусты и овраги, как попало, хотя и та же цель. По дороге идти легче, нежели без дороги. Если взглянешь на место и должность как на средство к достижению не цели земной, но цели небесной, во спасение своей души — увидишь, что закон, данный Христом, дан как бы для тебя самого, как бы устремлен лично к тебе самому, затем чтобы ясно показать тебе, как быть на своем месте во взятой тобою должности. Христианину сказано ясно, как ему быть с высшими, так что, если хотя немного он из того исполнит, все высшие его полюбят. Христианину сказано ясно, как ему быть с теми, которые его пониже, так что, если хотя отчасти он это исполнит, все низшие ему предадутся всею душой своей. Всю эту всемирность человеколюбивого закона Христова, все это отношение человека к человечеству может из нас перенести всяк на свое небольшое поприще. Стоит только всех тех людей, с которыми происходят у нас частые неприятности наищекотливейшие, обратить именно в тех самых ближних и братьев, которых повелевает больше всего прощать и любить Христос. Стоит только не смотреть на то, как другие с тобою поступают, а смотреть на то, как сам поступаешь с другими. Стоит только не смотреть на то, как тебя любят другие, а смотреть только на то, любишь ли сам их. Стоит только, не оскорбляясь ничем, подавать первому руку на примиренье. Стоит поступать так в продолжение небольшого времени — и увидишь, что и тебе легче с другими, и другим легче с тобою, и в силах будешь точно произвести много полезных дел почти на незаметном месте. Трудней всего на свете тому, кто не прикрепил себя к месту, не определил себе, в чем его должность: ему трудней всего применить к себе закон Христов, который на то, чтобы исполняться на земле, а не на воздухе; а потому и жизнь должна быть для него вечной загадкой. Пред ним узник в тюрьме имеет преимущество: он знает, что он узник, а потому и знает, что брать из закона. Пред ним нищий имеет преимущество: он тоже при должности, он нищий, а потому и знает, что брать из закона Христова. Но человек, не знающий, в

чем его должность, где его место, не определивший себе ничего и не остановившийся ни на чем, пребывает ни в мире, ни вне мира, не узнает, кто ближний его, кто братья, кого нужно любить, кому прощать. Весь мир не полюбишь, если не начнешь прежде любить тех, которые стоят поближе к тебе и имеют случай огорчить тебя. Он ближе всех к холодной черствости душевной.

* * *

* Гоголь замечал в одном из писем «Выбранных мест...» к своему знакомому, видимо, помещику:

«Замечания твои о школах совершенно справедливы. Учить мужика грамоте затем, чтобы доставить ему возможность читать пустые книжонки, которые издают для народа европейские человеколюбцы, есть действительно вздор. Главное уже то, что у мужика нет вовсе для этого времени. После стольких работ никакая книжонка не полезет в голову, и, пришедши домой, он заснет как убитый, богатырским сном. Ты и сам будешь делать то же, когда станешь почаще наведываться на работы. Деревенский священник может сказать гораздо больше истинно нужного для мужика, нежели все эти книжонки. Если в ком истинно уже зародится охота к грамоте, и притом вовсе не затем, чтобы сделаться плутом-конторщиком, но затем, чтобы прочесть те книги, в которых начертан Божий закон человеку, — тогда другое дело. Воспитай его как сына и на него одного употреби все, что употребил бы ты на всю школу. Народ наш не глуп, что бежит, как от черта, от всякой письменной бумаги. Знает, что там притык всей человеческой путаницы, крючкотворства и каверзничества. По настоящему ему не следует и знать, есть ли какие-нибудь другие книги, кроме святых».

ИЗ ПРЕДСМЕРТНЫХ ЗАПИСЕЙ. МОЛИТВА

Господи! спаси и помилуй бедных людей. Умилосердись, Создатель, и яви руку Свою над ними. Господи, выведи нас всех на свет из тьмы. Господи, оттони все обольщения лукавого духа, всех нас обольщающие. Господи, просвети нас, Господи, спаси нас, Господи, спаси бедных людей Твоих.

Господи, удержи гнев Твой и ярость казней Твоих. Господи, преклонись немощью нашею и помоги нам возвестись нам, обрати к Тебе и <помоги> вознести умоляющий вопль

к Тебе и рыданьем сердец наших умолишь Тебя. Господи, не взирая на нечестивые наши дела и вопль неистовый, не ведят бо, что творят, ради любящих Тебя, ради угождающих, пошли Духа Твоего Святого, вразуми и спаси нас. Спаси, спаси нас, спаси.

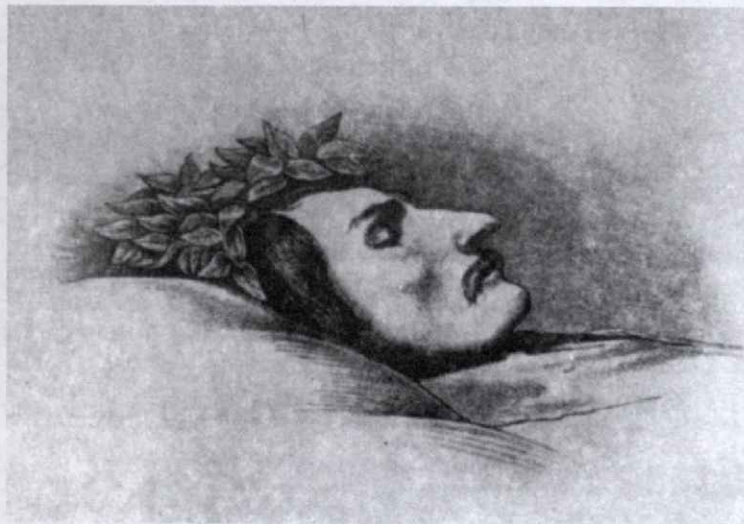
Господи, спаси и помилуй бедных людей Твоих. Не давай лукавому возвеселиться и овладеть нами. Не дай врагу поглумиться над нами и мрачному производить беспорядки и неустройства, возмутить стройность, знаменующую присутствие Твое с нами.

Господи, яви, сотвори святое чудо Твое, устрои, устрой.

Господи, спаси.

Небесная стройность и мудрость Христа, сопричастовавшая Богу при творении мира, без нея же ни что же бысть. Яви человеколюбие Свое

ради Святой Крови Своей, ради жертвы за нас принесенной. Внеси святой порядок, и разогнавши мысли нечестивые, вызови из хаоса стройность, и спаси нас, спаси, спаси нас. Господи, спаси и помилуй бедных людей Твоих.

Н.В. Гоголь в гробу

БОГОСЛУЖЕНИЕ В ХРАМЕ АРХАНГЕЛА МИХАИЛА В МАЕ

Дата	День недели	Время	Богослужение
1	воскресение	00:00	Светлое Воскресение Христово — Пасха. Пасхальная Заутреня. Божественная Литургия
		17:00	Вечернее Богослужение
2	понедельник	07:00	Божественная Литургия. Светлый понедельник
		17:00	Вечернее Богослужение
3	вторник	07:00	Божественная Литургия. Иконы Пресвятыя Богородицы «Одигитрия»
		17:00	Вечернее Богослужение
4	среда	07:00	Божественная Литургия. Светлая среда
		17:00	Вечернее Богослужение
5	четверг	07:00	Божественная Литургия. Светлый четверг
		17:00	Вечернее Богослужение
6	пятница	07:00	Божественная Литургия. Светлый пяток
		17:00	Вечернее Богослужение
7	суббота	07:00	Божественная Литургия. Светлая суббота
		17:00	Вечернее Богослужение
8	воскресение	07:00	Божественная Литургия. Неделя о Фоме
		17:00	Вечернее Богослужение
9	понедельник	07:00	Божественная Литургия. Свт. Стефана, епископа Пермского, чудотворца
		17:00	Панихида. Вечернее Богослужение
10	вторник	07:00	Божественная Литургия. Радоница. Поминование усопших.
13	пятница	17:00	Вечернее Богослужение
14	суббота	07:00	Божественная Литургия. При. отца нашего Пафнутия Боровского, чудотворца
		17:00	Всенощное бдение
15	воскресение	07:00	Божественная Литургия. Неделя святых Жен-Мироносиц
		13:00	Начало Крестного хода
20	пятница	17:00	Вечернее Богослужение
21	суббота	07:00	Божественная Литургия. Святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова
		17:00	Всенощное бдение
22	воскресение	07:00	Божественная Литургия. Неделя о расслабленном. Перенесение честных мощей святителя Николы, архиепископа Мир-Ликийских, чудотворца
24	вторник	17:00	Вечернее Богослужение
25	среда	07:00	Божественная Литургия. Преполовление Пятидесятницы
27	пятница	17:00	Вечернее Богослужение
28	суббота	07:00	Божественная Литургия. Преподобного Пахомия Великого
29	воскресение	17:00	Божественная Литургия. Неделя о самарянинах

Кроме дней, указанных в расписании, в единоверческом храме Архангела Михаила ежедневно совершается полунощница в 07:00, а также вечерня и навечерница в 17:00.

В расписании возможны изменения.

Издание Михаило-Архангельской Единоверческой общины

Главный редактор св. игумен Ирinarх
Ответственный за выпуск: диакон Е.Н. Саранча

Заведующий производством: И.В. Краев
Корректоры: М.Н. Душин, А.Н. Титова

Телефон редакции: (095) 310-51-61
(2005 год, выпуск 3)

Ваши пожертвования на приобретение данного издания будут использованы на нужды воскресной школы храма Архангела Михаила и издательскую деятельность нашего прихода.

Дорогие читатели, низжайше просим Вас, после прочтения очередного номера нашего издания, не использовать его ненадежным образом, памятуя о том, что в нем находятся священные изображения и подписания священных имен Господа Иисуса Христа, Пресвятыя Богородицы и святых угодников Божиих.

Если небрежением или по незнанию сделаны что-либо неправильно или неискусно, Вы, православные христиане, простите нас, Христа ради, да и Вас простит Господь Бог наш. Аминь.